

ВЯЧЕСЛАВ ВАСИЛЬЕВ

Боевая фантастика

ПЕРЕХВАТ

Вячеслав Васильевич Васильев
Сфера влияния: Перехват
Серия «Боевая фантастика (АСТ)»
Серия «Сфера влияния», книга 2

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42356250
Вячеслав Васильев Сфера влияния Перехват:
ISBN 978-5-17-114285-8

Аннотация

Егор Белецкий снова жив-здоров, и даже не в штрафбате. Готов на подвиги, верный друг-рысь рядом, но тут, как назло (а вдруг не случайно?), романтические приключения под ноги подворачиваются... И только Егор задумывается, как бы с девушками разобраться, а ему – военная тайна на военной тайне, и сверхсекретные разработки, которые врагу никак нельзя отдавать!

Вячеслав Васильев

Сфера влияния

Перехват

Серия «Боевая фантастика»

Оформление обложки Станислава Дудина

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

© Вячеслав Васильев, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

– Пойдём, – стоявший чуть позади барон тронул Белецкого за рукав. – Все уже разошлись.

– Да, пора... – Егор, с трудом оторвав взгляд от с нежностью глядевших друг на друга держащихся за руки мужчины в военной форме с лейтенантскими погонами и хрупкой темноволосой девушки в лёгком платье, огляделся по сторонам. – Пора.

И снова обратил печальный взор на, казалось, не замечающую ничего вокруг себя парочку.

Но нет, замечали... Мужчина и женщина оторвались друг от друга и почти синхронно взмахнули руками в прощальном приветствии. Егор автоматически махнул рукой в ответ, сглотнул подступивший к горлу ком и торопливо зашагал вслед за фон Стиглицем, уже катившим по дорожке в своей медкапсуле-экзоскелете. Самостоятельно передвигаться барон всё ещё не мог – ранение, полученное в операции по захвату эсэсовского «Спрута», было слишком серьёзным. Если бы не медблок, поддерживавший жизнедеятельность организма командира контрабордажников, пока не прибыла помощь с линкора, то сейчас на Мемориальной стене СИБ добавился бы ещё один портрет.

Проводив взглядами Белецкого и фон Стиглица, офицер и его девушка снова обернулись друг к другу и продолжили

свою беззвучную беседу.

– Как, интересно, его вдова отнеслась к такому месту упокоения? – пробормотал барон, стараясь не глядеть по сторонам. Казалось, здесь царил праздник. Кругом толпились нарядно одетые люди: военные, гражданские, мужчины, женщины, пожилые, молодые, в одиночку и группами... Все улыбались, многие оборачивались вслед двум военным, являвшимся на данный момент единственными живыми людьми среди этой многотысячной толпы призраков.

– Не знаю, – пожал плечами Егор. – Может, обиделась. А может, поняла...

Белецкий тоже старался смотреть строго прямо перед собой. Сегодня общаться с местными призраками не хотелось. Раньше – да. Было даже интересно...

Конечно, он находился в таком месте далеко не в первый раз. Продолжительность жизни в Империи была очень высока, но смерть победить пока не удавалось, несмотря на продолжающиеся уже который век бодрые заявления медиков, что, дескать, «вот-вот...». А кому-то приходилось умирать и молодыми. Издержки практически непрекращающейся войны. Так что провожать в последний путь близких и знакомых молодому человеку уже приходилось. Да и потом, после похорон, он время от времени навещал их последнее пристанище. Как правило – раз в год вместе с родными в родительский день.

В такие дни ему обычно было интересно неспешно прой-

тись среди динамических голограмм, трудно отличимых от реальных живых людей. Такие голограммы с незапамятных времён использовались в Империи в качестве надгробий. Учитывая то, что во многие надгробия были вмонтированы ещё и искины со слепами личности усопших, с некоторыми из призраков можно было даже поболтать о делах давно и не очень минувших дней... Казалось, что прикасаешься к истории, что эти люди не умерли... Или умерли «не совсем»...

Однако сейчас Егору было не до бесед с мёртвыми: всё здесь напоминало ему о недавней утрате командира и товарища, а также о том, что он и сам чудом избежал сомнительной чести пополнить ряды местных жителей.

Нет, наверное, правильнее было бы – местных обитателей. Называть жителем покойника... Как-то не так.

И – да. Именно ряды. Кладбище – оно и есть кладбище. Все здесь, и военные, и гражданские, располагались строго рядами. Каждый призрак над своей могилой.

Егор глубоко вздохнул. Да, на этот раз пронесло. Смерть прошла совсем близко, но удостоила своим вниманием не его. А что будет в будущем... Будущего лучше не знать. Эту истину молодой человек, благодаря последним произошедшим с ним событиям, осознал и усвоил предельно чётко.

– Зато теперь они наконец-то вместе, как он и мечтал всю жизнь, – покачал головой фон Стиглиц.

– Да, – тихо ответил Белецкий. – Теперь вместе. Навсегда...

Наконец казавшаяся бесконечной центральная аллея кладбища закончилась. Снаружи на пустой стоянке неподалеку от ворот одиноко приткнулись к бордюру две машины. На бортах одной из них – небольшого белого фургона, были нарисованы красные кресты. На другой – легковушке салатного цвета, красовались чёрные шашечки такси.

– Ну что ж, до встречи, – протянул Белецкому ладонь фон Стиглиц. Пожалуй, правая рука на данный момент была единственной его работающей конечностью.

– Надеюсь, что встретимся, – Егор осторожно пожал протянутую руку. Работала-то она работала, но всё же лучше не рисковать. А то ещё проваляется барон в госпитале на несколько дней дольше...

– Ты, смотрю, в этом не уверен, – хмыкнул барон, пристально глядя на лейтенанта. – Стал пессимистом, однако.

– Реалистом, – поправил его Белецкий.

– Ну, хорошо. Пока, реалист! Но надеяться всё же надо на лучшее! – с этим словами фон Стиглиц лихо развернулся на своём мини-транспортном средстве и по откинувшемуся наклонному пандусу въехал в медицинский фургон. Пандус тут же поднялся, створки дверей сдвинулись, и фургон с тихим шелестом плавно тронулся с места.

Проводив его взглядом, Белецкий вздохнул и молча уселся в предупредительно поднявшее дверь такси. Обычно при посадке надо было называть адрес доставки, но эта машина знала, куда надо ехать, лучше своего пассажира. Дверь плавно

но закрылась, и такси начало набирать скорость, переведя остекление в непрозрачный режим. Причём непрозрачными стёкла стали как снаружи, так и изнутри. Так что Егор и сам не знал, куда ехал.

Да не очень-то и хотелось. Конспираторы, блин. Сказали бы просто, что маршрут – военная тайна, и он бы всё равно физически не смог никому ничего разболтать. После того, что с ним сделали... Егор прикусил губу. Он до сих пор так и не смог до конца принять того, как бесцеремонно в штраф-бате влезли в его голову.

С другой стороны, если бы не влезли, он бы не познакомился с Тимофеем.

Салатное такси въехало в длинный тёмный тоннель, выходящий на кольцевую автостраду. Кстати, автострады в Империи вообще не освещались. Только тротуары и пешеходные дорожки. Искинам автомобилей, с их набором всевозможных датчиков, освещение в видимом диапазоне было ни к чему.

Через минуту с другой стороны тоннеля выехала совсем другая машина. По крайней мере, с виду. Изменились и цвет, и модель, и регистрационные данные, периодически запрашиваемые у неё стационарными сканерами, густо натыканными вдоль дороги.

В принципе, изменение цвета транспортного средства не было чем-то из ряда вон выходящим. Как и изменение фор-

мы кузова. Это всё могла проделать любая легковушка. Но не за минуту, а часов за шесть. И новая форма кузова могла быть только из перечня стандартных вариантов для данной модели. Само собой, и регистрационные данные оставались прежними.

Так что машина, в которой ехал Белецкий, отнюдь не была серийным изделием отечественного автопрома. Хоть и успешно под него маскировалась.

Но её пассажир этих метаморфоз не видел. Да и не до них ему было. Пока приплюснутый каплевидный серебристый аппарат уносил его по шоссе прочь от столицы, Егор пролистывал в памяти только что прошедшие похороны, на которых ему довелось присутствовать.

Очень необычные похороны. Нет, для какого-нибудь генерала они, возможно, были бы вполне нормальными, но для простого прапорщика...

Начать с самого факта проведения похорон на столичном кладбище. Вот уже полвека сюда мог попасть далеко не каждый усопший. Вообще далеко не каждый мог быть погребён на поверхности планеты, да ещё и в гробу, а не в виде урны с прахом. Если бы всех так хоронили, планета уже давно бы превратилась в сплошное кладбище. Поэтому большинство покойников в Империи кремировалось, и пепел хранился либо в подземных, либо в орбитальных мемориальных комплексах. Правительство вообще мечтало, чтобы пепел про-

сто развеивался по ветру, но Церковь была против, и из этой затеи ничего не вышло.

Второй странностью было присутствие на церемонии большого количества высших армейских и флотских чинов – вплоть до генералов включительно. Хотя когда Егор увидел многочисленные награды, которые почётный караул нёс на подушечках перед лафетом с гробом, то пришёл к мнению, что на похороны такого человека не зазорно было бы прийти и более высоким чинам.

Оказалось, что прапорщик был при жизни награждён почти всеми воинскими наградами Империи. В том числе он был полным георгиевским кавалером, а значит, автоматически получил личное дворянство.

Кроме того, как следовало из приказа, зачитанного командиром штрафбата во время торжественной церемонии, Шелехову посмертно было присвоено звание лейтенанта. Это автоматически означало, что он, а точнее, в данном случае точнее – его потомки получили потомственное дворянство, а вместе с ним и кучу привилегий. И обязанностей, конечно. Куда же без них...

Закончив с оглашением приказа, майор выступил с неофициальным прощальным словом. Затем с короткими речами выступили ещё несколько офицеров в званиях от капитана до генерал-лейтенанта. Потом была церемония прощания, сухой треск залпов воинского салюта и опускание гроба в могилу под торжественную мелодию государствен-

ного гимна, исполнявшегося военным оркестром.

А потом... Потом все разошлись. Остался только заваленный цветами памятник. Рядом с памятником той, кого прапорщик любил всю свою жизнь...

Машина, по ощущениям Егора, заметно снизила скорость, немного попетляла и остановилась. По крайней мере, покачивания кузова – характерная примета движения, прекратились.

Ощущения не подвели: дверцы плавно взлетели, подобно крыльям чайки, и перед взором Белецкого предстал уже виденный сегодняшним утром подземный гараж. Вздохнув, Егор покинул успевшее к этому времени ещё раз изменить свою внешность транспортное средство, и по привычной зелёной линии направился к проявившемуся в левой стене проёму.

Продолжались суровые будни.

По прибытии «Императрицы Анны» на Землю, точнее – на околоземную орбиту, группа штрафников-контрабордажников, несмотря на то что с честью выполнила поставленную задачу, немедленно попала в оборот СИБ. Точнее, в «близкие контакты второго рода» с Имперской Безопасностью вляпались трое из них: Белецкий, Карлаш и Левинзон. Фон Стиглиц сразу был направлен в госпиталь, и в отношении него дознаватели пока ограничились снятием инфор-

мации с накопителя тактика. Шелехов и Похмелов погибли, причём если первый был с почестями похоронен на столичном кладбище, то урна с прахом второго отправилась на один из орбитальных воинских мемориальных комплексов.

Каждому своё. Даже после смерти.

Встроенных БИУСов у погибших не было, потому для следствия их останки не представляли никакого интереса.

Пантелею с Василисой сразу по прибытии на Землю предоставили отпуск, и они убыли в неизвестном направлении, тепло попрощавшись с напарниками и вызвав у этих самых напарников чёрную зависть.

Карлаша и Левинзона промурыжили недолго – через три дня обоих восстановили в звании и отправили к месту прохождения дальнейшей службы. Так что Егор остался в гордом одиночестве. Офицерские погоны ему вернули, но выпускать молодого лейтенанта из своих крепких объятий контрразведка не спешила. Хотя обвинений никаких не предъявляла.

Условия жизни были нормальными, особенно после штрафбата. Предоставленная для проживания комната была почти такого же размера, как на «Змеееже». Даже чуть побольше. Вселившись, Егор тут же оформил своё новое жилище в том же стиле, что и каюту на транспортнике. Доступ к Сети на приём информации ограничен не был. И, как выяснилось через неделю, когда на просьбу посетить похороны Шелехова был получен положительный ответ, ограничение

на внешние перемещения тоже было не очень строгое. Хотя, с другой стороны, с родными и знакомыми общаться пока не позволяли, да и похороны боевого товарища разрешили посетить только при условии, что он не будет общаться ни с кем из присутствующих, кроме фон Стиглица, и наденет «личину» – оптическую систему, формирующую ложный облик.

С чем была связана такая секретность, Егору напрямую не объясняли, только туманно намекали на продолжающийся научный эксперимент. Действительно, медицинские исследования приходилось проходить чуть ли не каждый день. Как и отвечать на вопросы дознавателей. Иногда исследования с допросами шли по очереди, иногда – совмещались. Даже в невинных вроде бы перекидываниях парой слов с персоналом базы ставшему последнее время очень подозрительным молодому человеку чудился подвох.

В свободное от медиков и дознавателей время Егору было скучно, грустно и одиноко. Друзей рядом не было, рысей тоже, Вейтангур с полностью разряженным блоком питания пылился где-то в одной из ячеек хранилища Базы вместе с остальными личными вещами. Возможно, это и хорошо, что он разрядился. У следователей будет меньше вопросов.

* * *

Начальник СИБ был не в духе. Внешне это практически ни в чём не проявлялось. То же добродушное выражение ли-

ца, те же ленивые движения... Но присутствующие на сегодняшнем совещании люди слишком давно и хорошо знали своего шефа, чтобы понимать, что сейчас ему под руку лучше не попадаться. Он и в хорошем-то настроении далеко не сахар, а уж сейчас...

– Итак, как там поживает наша красавица? – обратился глава Имперской Безопасности к одному из сидящих за столом.

– Хорошо, – осторожно доложил тот. – Поправилась. Теперь у неё со здоровьем всё в порядке. Но после нашей операции активность поубавила. Можно сказать, легла на дно.

– Это плохо, что хорошо, – уголок рта добродушного толстяка чуть заметно дёрнулся. – Было бы лучше, если бы было плохо. А что «легла на дно»... Канал связи так и не установили?

– Увы, – поднявшись со своего места, развёл руками начальник технического отдела.

– Увы, – эхом отозвался шеф. – Увы, я вынужден вынести вам предупреждение о неполном служебном соответствии. Копайте... Копайте лучше! И раскопайте мне её связь, чёрт побери!

Присутствующие вжались в спинки кресел – оказывается, настроение начальства ещё хуже, чем предполагалось. Трудно было представить, что должно было произойти, чтобы шеф дошёл до такого состояния. Но представлять было некогда: сейчас нужна была предельная собранность. Не до меч-

таний.

Однако пока начальство, похоже, крепко вцепилось в «научника» и ослаблять хватку не собиралось.

– Так что у вас там за проблемы по этому транспортнику, точнее по его останкам?

– Обнаружены необъяснимые лакуны в бортовом журнале. Можно бы было объяснить их повреждением памяти бортового искина при abordаже, но вы же сами знаете – многократное дублирование... Что-то где-то да сохранилось бы. А тут... – научник ещё раз развёл было руками, но, спохватившись, прижал руки к туловищу и вытянулся в струнку.

– А что искин? – глава СИБ снова взял себя в руки, и теперь даже самые пронизательные его подчинённые не могли ничего прочитать на лице своего начальника.

– Искин сам ничего не понимает. Утверждает, что запись велась в штатном режиме. Дублирование производилось согласно инструкциям. Логи это подтверждают. Мы, конечно, его демонтировали и сейчас исследуем, но пока ничего выяснить не удалось.

– И как вы можете всё это объяснить?

– Собственно, есть две версии, – начальник научного отдела попытался пожать плечами, но вовремя вспомнил, что такой жест сейчас будет явно несвоевременным, в результате со стороны это смотрелось, как будто его плечи вздрогнули. – Первая – это всё-таки повреждения, полученные искином во время боя, в результате чего он дал нештатную

команду на уничтожение определённых массивов информации, так сказать, не отдавая себе в этом отчёта. Если имел место одновременный отказ всех серверов, то после восстановления с бэкапа искин, естественно, ничего не помнит о том, что происходило в промежуток его «беспамятства». Который, по нашим оценкам, мог длиться всего доли секунды. Справедливости ради, должен заметить, что такой вариант почти невозможен. Но вероятность всё же отлична от нуля...

– А вторая версия? – побарабанил пальцами по столешнице шеф.

– Кто-то отдал искину команду на зачистку памяти, – отрезал научник.

– Всё интереснее и интереснее... И кто бы это мог быть?

– Мы самым тщательным образом обследовали всех находившихся на борту: и пилотов, и контрабордажников, включая погибших. Отдать такую команду не мог никто из них.

– Так что же, на борту был «заяц»? А потом сошёл? – похоже, шеф безопасности снова начал накаляться.

– Нельзя исключать и такой вариант. Но внешней команды на стирание памяти не поступало. Это мы установили абсолютно точно. Значит – изнутри.

– А автомат? С кодом доступа?

– Мог быть и автомат... А потом самоуничтожился.

– Ну так ищите! Разберите этот корабль до винтика, но чтобы никаких неясностей не оставалось!

– Мы ищем... Но в связи с тем, что в ходе операции по

захвату «Невидимки» транспортник получил обширные повреждения, вероятность того, что выяснить причину произошедшего не удастся, очень высока...

– Так... Это всё?

– Не совсем. Есть ещё одно. Мы установили, что наш вирус, запущенный во внутреннюю сеть «Невидимки» одним из штрафников, оказался недоработанным и не мог парализовать бортовой искин настолько быстро, чтобы тот не успел отдать команду на самоликвидацию.

– Но парализовал. Или и тут кто-то постарался? Может, это «контролёры» нам подсобили?

– Научный отдел рассматривает только научные версии, – поджал губы докладчик.

– Ну да, ну да... А этого «одного из штрафников» проверяли?

– До сих пор проверяем. Он – третья странность в этой операции.

– С ним-то что?

– В его организме идут изменения, не предусмотренные программой модернизации. Причём посторонних наноботов, которые могли бы инициировать эти изменения, не обнаружено.

– Интересно... Изменения какого рода?

– В общем и целом характерные для «проекта четыре-бис». Но над этим объектом работы в рамках данного проекта не велись! Только по второму.

– Ваши предположения?

– Есть несколько версий... Отрабатываем. Прошу вашего разрешения передать объект нам для проведения дополнительных исследований.

– Он же и так сейчас почти всё время в вашем распоряжении, – отрезал начальник СИБ. – Вот и исследуйте. А на-совсем я его вам передать не могу, увольте. А то распотрошите, гм, объект во благо науки на мелкие кусочки, а у него, я смотрю, и в рамках второго проекта показатели вполне неплохие. Кстати, я вижу, что данный объект мне, оказывается, хорошо знаком. Ведь это во многом именно благодаря ему мы получили возможность захватить «Невидимку» в рабочем состоянии. Хоть он об этом и не догадывается. Так что было бы чёрной неблагодарностью отдать его после этого вам на растерзание.

На лицах присутствующих появилось скептическое выражение. В то, что чувство благодарности может у любимого шефа взять верх над чувством долга, верилось с трудом.

Начальник СИБ сделал паузу, словно взвешивая все «за» и «против», и вынес окончательный вердикт:

– Нам такие кадры нужны, так сказать, на переднем крае. Так что отправляем его к дальнейшему месту прохождения службы. А там уж ваши люди имеются, и в немалом количестве. Вот пусть и занимаются... В свободное от основной работы время. Кстати, об основной работе: как у вас продвигаются дела с выяснением принципов функционирования мас-

кировочных систем захваченного «Спрута»?

* * *

Чудо свершилось примерно через неделю после похорон Шелехова. Очередной день «допросоисследований» оказался весьма насыщенным и, как следствие, изматывающим. Поэтому вечером Егор, с трудом доковыляв до своей темницы, как он в шутку окрестил про себя выделенное ему помещение, сразу устало плюхнулся на кровать. Прикрыл глаза и бездумно провалялся так минут двадцать. Если быть абсолютно точным, не так и бездумно, какие-то мысли на периферии сознания проскакивали, но были они уж больно безрадостными, чтобы ловить их за хвост и вытаскивать на белый свет.

Настроение было мрачным, как и в каждый день прошедшей недели. Белецкому даже временами казалось, что в штрафбате было намного лучше. По крайней мере, там рядом были друзья, и впереди имелась цель.

А здесь... Одиночество и полная неизвестность по вопросу, сколько же ещё времени придётся пробыть подопытным кроликом. Может, всю жизнь. И сколько там ещё этой жизни осталось? При таких нагрузках запросто могло оказаться, что совсем немного.

Егор очередной раз тяжело вздохнул. С такими мыслями точно загноёшься раньше времени. Полазить, что ли, по Се-

ти? Посмотреть новости, поглядеть на жизнь... На нормальную жизнь, которой и он когда-то жил. А теперь непонятно, будет ли у него такая жизнь снова. Ежевечерний выход в Сеть стал для узника секретной базы СИБ своего рода традицией и единственным развлечением, позволяющим поддерживать настроение хоть чуть-чуть, но всё же выше нулевой отметки...

Привычно прикрыв глаза, молодой человек подключился к Сети. И обнаружил вместо обычной иконки «Доступ только на приём» другую – «Двухсторонняя связь». Конечно, это был не «Полный доступ» – в режиме двухсторонней связи на общение накладывались некоторые ограничения, но после того, как Белецкий столько времени провёл «немым», это был просто праздник какой-то!

От неожиданности Егор подскочил на кровати и резко перешёл в сидячее положение. «Двухсторонняя!» «Связь!» Значит, можно поговорить с родными. Или нельзя? Так... Срочно просмотреть список ограничений... Ага! Можно! Можно даже сказать, что находишься на Земле. Нельзя только указывать точные координаты. Если бы их ещё знать... Что там ещё? Список сведений, запрещённых к разглашению... Более-менее стандартный. И два... уже три свежеполученных письма. Одно от родных, одно от Сашки и одно от Якова.

Так. Зачем читать письмо от отца и матушки, когда можно прямо сейчас пообщаться с ними вживую? Или, может, пока

не стоит?..

«Зеркало!»

Комм послушно выдал изображение с одной из видеокамер, которыми были густо напичканы стены и мебель комнаты Егора.

Гм, видок, надо сказать, ещё тот. На Белецкого взглянул усталый, худющий, какой-то помятый человек в рабочем флотском комбинезоне. Из плюсов имелось разве что радостное выражение лица, которое, впрочем, быстро сменилось на расстроенное. Всё остальное – один бо-ольшой минус. Нет, в таком виде показываться родным нельзя. Особенно маме. Пообщаться только в аудиорежиме? Без изображения? Ещё хуже. Тут надо или врать, что находишься не на Земле, а у чёрта на куличках, или мама может подумать, что у любимого сына не хватает какой-нибудь части тела и он не хочет её по этому поводу беспокоить. Отчего расстроится ещё больше.

Значит – продолжать обмениваться письмами... Но в этом случае всё равно придётся врать, что далеко. Или умалчивать, что одно и то же.

В общем, так! Умыться, переодеться, привести себя и комнату в порядок, и – видеосвязь! С этими мыслями молодой человек устремился в душевую, по дороге открывая письмо от родителей.

Приведение в порядок себя и комнаты заняло ровно пятнадцать минут. Егор ещё раз оценивающе огляделся по сто-

ронам, придирчиво оценил свой внешний вид и вынес вердикт: «К сеансу связи с родными готов!»

Проговорили почти час. В принципе, все были готовы общаться и дальше, хоть до самого утра, но армия есть армия. Сигнал «отбой» обязателен для всех, и если принудительное усыпление военнослужащих по этому сигналу не практиковалось, то принудительное отключение от всех каналов связи, кроме служебных, это за милую душу. Так что после предупредительного сигнала Белецкий быстренько попрощался с родными и вырубил связь. После чего блаженно растянулся на кровати. Нет, как мало всё-таки человеку надо для счастья!

Тут Егор вспомнил притчу про крепкое рукопожатие, рассказанную Левинзоном, казалось, сто лет назад. Похоже, здесь – тот же принцип. Нагрузили по самое не могу, а потом дали всего-то глоточек свежего воздуха. И результат – налицо.

Кстати, письма и от Левинзона, и от Карлаша были прочитаны ещё в душевой. У друзей всё было в порядке. Оба уже прибыли в свои новые части. Располагавшиеся, судя по намёкам, где-то в глухомани. Ну, куда распределяют бывших штрафников, это всем известно. Зато живы. А что там дальше... Будущее покажет.

С этими мыслями Егор и уснул.

Утро встретило молодого человека пробивающимися сквозь сон громкими криками.

«Просьпайся! Да просьпайся же, лежебока!» Поскольку крики не сопровождались противным зуммером сигнала пробудки, да и сами призывы были явно неуставной формы, Егор сначала их вообще никак не воспринимал, а потом просто игнорировал, приняв за остатки сна. Мало ли что перед подъёмом приснится? Это не повод сокращать драгоценное время отдыха. Однако бесцеремонный голос не унимался, и Белецкий, безуспешно пошарив рукой у кровати в поисках чего-нибудь тяжёлого, со вздохом приоткрыл один глаз.

И никого не увидел. Пришлось открыть второй глаз и, оторвав голову от подушки, повертеть ею по сторонам. С те же результатом. В голове зазвучало: «Да открой же дверь, наконец!» В голове?!

Егор дал двери команду открыться, одновременно рывком вскочив с кровати. И тут же упал обратно под весом молниеносно ударившего в грудь тяжёлого пушистого комка.

– Ну и горазд ты спать! Я тут ору, ору!.. – возмущённо заявил Пантелей, сердито скалясь и уперев лапы с полувыпущенными когтями в грудь напарника.

– Мог бы и чуть попозже заявиться в выходной день, – пробурчал Егор, пытаясь выбраться из-под придавившей его туши.

– Ты не рад видеть старого друга? – с нарочито расстроенными интонациями в голосе поинтересовался рысь.

– Рад, конечно... А ты не мог бы с меня слезть, старый друг? – человек оставил попытки освободиться самостоятельно. Аккуратно убрать в сторону довольно упитанного рыся не получалось, а применять боевые приёмы не хотелось.

– Мог бы. А самому справиться слабо? Совсем форму потерял?

– Ну, смотри, сам напросился, – с этими словами Белецкий молниеносно ткнул пушистого напарника в бок правой рукой, а левой чуть-чуть подбросил его вверх. Левая рука пришла в движение раньше правой, но коснулась рыся позже. «Перекос» в преобразовании организма, заложенный ботами Вейтангура, сказывался до сих пор. Но Егор уже приловчился к такому состоянию своего тела.

Рысь улетел вверх и влево, перекувыркнулся в воздухе и, приземлившись на все четыре лапы, с места снова сиганул на человека, который, пока Пантелей кувыркался в воздухе, успел вскочить на ноги и принять боевую стойку. И по комнате заметался стремительный вихрь, в котором иногда можно было различить смазанные силуэты человека и зверя.

Спарринг продолжался около пяти минут. Что на таких скоростях очень много. Остановил поединок тот же, кто его и спровоцировал: Пантелей отпрыгнул в дальний угол, поднялся на задние лапы и замахал передними:

– Стоп! Стоп! Разбушевался...

– Будешь знать, как будить несчастного уставшего чело-

века! – оскалился Белецкий, тяжело дыша.

– Хм, уставшего... Что-то особо не заметно, – рысь тоже, мягко говоря, чуть запыхался.

– Серьёзно, – Егор снова опустился на кровать. – Первый выходной за всё это время, – пожаловался он напарнику. – Вымотался полностью. А ты как? И какими судьбами сюда?

– Какими судьбами – не знаю. Не тебе объяснять – у нас же всё секретно, – скривился Пантелей. – А время провёл неплохо. Отдохнул. Свадьбу сыграл. Привет тебе от супруги, кстати.

– Спасибо! Поздравляю! – улыбнулся Белецкий, одновременно пытаясь представить, как выглядело это мероприятие. Почему-то представился Пантелей в манишке и с галстуком-бабочкой на шее и Василиса в белой фате. Егор нервно хихикнул.

Пантелей подозрительно прищурился:

– Что смешного?

– Да нет, это я так, о своём, – выставил перед собой руку Егор. И на всякий случай решил перевести разговор на другое:

– Однако устроили мы тут...

Рысь огляделся вокруг и небрежно отмахнулся лапой:

– Да ладно... само уберётся.

Действительно, автоматическая система уборки помещения уже трудилась вовсю.

– Уберётся-то уберётся, а если начальство нагрянет?

– Чего оно тут не видело? А если чего-то и не видело, есть видеокамеры.

– Спасибо, утешил, – забеспокоился Белецкий. – Так, посиди тут немного, отдохни, а я пока приберусь немного.

Совместно с уборочной системой дело спорилось быстро: через пять минут комната снова блистала чистотой. Егор удовлетворённо огляделся и собрался уж было, ещё раз извинившись перед другом, стонять в душевую, как на комм поступил внешний вызов.

Глянув, кто его вызывает, Егор поспешил разрешить соединение.

– Доброе утро, Егор Николаевич! – Фон Стиглиц сегодня выглядел гораздо лучше, чем неделю назад. – Как жизнь молодая? Не разбудил? Вижу, ты ещё не одет...

– Доброе утро, Андрей Павлович. Нет, не разбудили, – Белецкий бросил быстрый взгляд на Пантелея, который в приёмо-передающий объём не попал, из-за чего собеседник рыся сейчас не видел. – Жизнь нормально. Вот, даже выходной сегодня дали... А у вас как дела?

– Выходной – это хорошо, – улыбнулся барон. – У меня тоже всё путём. Иду на поправку. Уже могу передвигаться без посторонней помощи. Я тебе вот что хочу предложить: раз мы оба сегодня свободны, давай навестим вдову Павла Евгеньевича.

– Да, конечно! – не раздумывая, согласился Егор. – Но у меня только выходной. Увольнительной не давали.

– По поводу увольнительной не беспокойся, – небрежно отмахнулся фон Стиглиц. – Давай так: с утра у меня процедуры, а после обеда встречаемся прямо на месте. Вот адрес.

– А меня возьмёте? – из-за плеча Белецкого высунулась пушистая морда рыся.

– О, а ты как здесь оказался? – удивился барон. Как показалось Егору, удивление было несколько наигранным. Может, действительно показалось, но в последнее время Белецкий превратился в заправского параноика. Улыбка на лице фон Стиглица быстро сменилась озабоченностью. – Я, конечно, попрошу... – неуверенно произнёс он после двухсекундной заминки. – Но сомневаюсь, что позволят. Давайте я перезвоню через пять минут. – Барон отключился, и Егор наконец-то смог направиться в душевую. Следовало поторопиться – если педантичный фон Стиглиц сказал, что перезвонит через пять минут, значит, так и будет.

Барон перезвонил строго в указанный срок.

И сразу огорчённо развёл руками.

– Нет. Пантелея на встречу не отпускают.

– Но бывают же домашние рыси? – возмутился напарник Егора. – Ну, мало... Я согласен. Но есть. Можно даже поводок на меня надеть...

Белецкий удивился. Чтобы гордый разумный рысь согласился идти по улицам на поводке, пусть даже силовом!

Фон Стиглиц добавил в голос металла:

– Нет! Нельзя! – и, чуть смягчив интонации, сообщил: – Но зато разрешили погулять вместе в Центральном парке. С условием, что вас не будут видеть рядом.

– Это как? Вместе, но не рядом? – иронично поинтересовался Пантелей.

– Это значит – можете гулять недалеко друг от друга, но если рядом окажутся другие посетители, ты, Пантелей, прячешься.

– А почему я, а не он? – обиделся пушистик. – Человеческий шовинизм?

– Как ты думаешь, что подумают люди, когда увидят, что при их приближении в кусты прячется офицер в парадной форме? – ухмыльнулся барон.

Пантелей задумчиво почесал задней лапой за ухом.

– Ну ладно, уговорили.

– Тем более что вам, чтобы общаться, не обязательно быть не то что рядом, но даже в пределах слышимости, – подмигнул своим собеседникам фон Стиглиц. – В общем, можете отправляться прямо сейчас. Но к тринадцати ноль-ноль, Егор Николаевич, вам надо прибыть по указанному адресу.

С этими словами барон отключил связь, а Белецкий полез в шкаф за парадкой.

– Да, несовершеннолетние вы, люди, создания, – вздохнул Пантелей. – То оденься, то разденься... Причём в одной ситуации одно надень, в другой – другое... То ли дело мы!

– Ну да, рыси – венец природы. Венцы... Кстати, о вен-

цах: у тебя запись со свадьбы есть? – поинтересовался Егор, надевая рубашку.

– А как же, лови!

Белецкий открыл файл и опустился на кровать.

– М-мм? А-аа? – промычал он, одной рукой хватая себя за шею, а второй делая пассы над головой.

– Нравится?

– Я угадал, – наконец обрёл дар речи Егор. – Галстук... Фата...

– Ну и что? – возмутился Пантелей. – Есть какой-нибудь закон, по которому рысь не может надеть на свадьбу галстук-бабочку? Особенно если невеста просит. А фата... Каждая женщина мечтает хоть раз в жизни надеть фату. Даже если она это горячо отрицает. Так что если не хочешь, чтобы жена тебя потом пилила всю вашу совместную жизнь, советую на будущее – залезь в долги, но свадьбу сыграй такую, чтобы потом всю жизнь вспоминать.

– Спасибо, я подумаю, – Егор закрыл фотографию с рысьями, похожими на большие плюшевые игрушки, «приодетые» их хозяином – ребёнком, и улыбнулся. – Странные вы, конечно, рыси, создания, в одной ситуации одно надень, в другой – другое...

– Так, закрыли тему, – фыркнул рысь. – Тем более что «другой ситуации» не будет.

– Не зарекайся. Оно так всегда: начинается с «бабочки», а потом, глядишь, фрак, штаны... А там, глядишь, и бриться

начнёшь. Всё-всё, молчу! И не подходи! Помнёшь мою парадную форму – вообще никуда не пойдём!

Сборы заняли немного времени, и вскоре друзья уже шагали по привычной зелёной линии к выходу из базы. Дорога до парка заняла около получаса. Причём весь путь был проделан под землёй, так что, выйдя из вагончика подземного такси, или, по крайней мере, выглядевшего, как подземное такси, человек и рысь сразу оказались у лифта, ведущего в одно из служебных помещений парка.

Вообще, когда Белецкий попадал в Центральный парк, он всегда удивлялся, почему это называется парком. Скорее царство дикой природы, раскинувшееся на площади нескольких гектаров, надо было назвать лесом. Или джунглями. Столица была расположена недалеко от экватора, и буйная растительность парка была характерна как раз для джунглей. Хотя были здесь уголки, оформленные и под другие климатические пояса. Причём в них поддерживался и соответствующий климат. Но друзья попали именно в сектор джунглей.

Егор глубоко вдохнул напоенный южными ароматами воздух. Пение птиц, крики каких-то животных... Настоящих, между прочим. Конечно, с контролирующими поведение имплантатами. А самые опасные так вообще за силовыми барьерами. Права животных правами животных, а жизнь людей никто подвергать опасности не собирался.

Белецкий поймал себя на мысли, что почти забыл, как это – никуда не торопясь гулять под открытым небом среди настоящих деревьев. То есть помнить-то он помнил, но так, как будто это всё происходило не с ним, словно он видел это во сне или в кино.

Пока Егор наслаждался свежим воздухом и пейзажем, Пантелей рванул в ближайшие кусты, только его и видели. Слышно его тоже не было. Только по мыслесвязи иногда доносились восторженные вопли. Рысь чувствовал себя как дома.

Белецкий обернулся. Оказалось, они с рысем вышли из служебного помещения парка, оформленного как заброшенная хижина. Судя по указателю на стене, тут же находился вход в бомбоубежище. Вид указателя отрезвил молодого офицера. Какой бы идиллической не казалась окружающая обстановка, тишину в любой момент мог прорезать сигнал воздушной тревоги. И тогда каждый подданный Империи должен был сломя голову мчаться к ближайшему бомбоубежищу. Бежать далеко не приходилось: большие и маленькие убежища были густо натканы под поверхностью планеты.

Пока тревоги были исключительно учебными. Но так как за медлительность даже при учебной тревоге полагалось серьёзное наказание (и, что немаловажно, неотвратимое) – уклоняющихся было мало. Даже очень мало.

Лейтенант вздохнул и, отвернувшись от указателя, рядом с которым в стену был вмонтирован стационарный дозиметр,

не торопясь зашагал по одной из едва заметных дорожек, которыми был прорезан весь парк. Заблудиться он не боялся – встроенный в комм маршрутизатор подсказал бы выход из любого лабиринта.

Сверху слышались звуки смеха и музыки. На парк упала тень. Егор задрал голову. Вверху, на небольшой высоте неторопливо проплывал малый круизный летающий остров.

«Малый»-то он «малый»... Но всё в мире относительно. Тень закрывала солнце примерно минуту. А скорость острова составляла километров десять в час. Так что габариты парящего в воздухе диска были немаленькими. Особенно если учесть, что над Белецким он прошёл краем.

– Видал? – спросил Егор у Пантелея по мыслесвязи, когда небесный объект скрылся из виду.

– Наш больше, – отозвался рысь.

«Наш»... «Надеюсь, что уже не мой», – дёрнул головой молодой человек. Называть учебку штрафбата «своей» особого желания как-то не было.

– Как думаешь, не летать мне больше? – задал Егор напарнику мучивший его вопрос.

– С чего ты взял? – из кустов справа показалась пушистая морда. «А ведь ни звука, даже с усилителем!» – восхитился Белецкий.

– Ну, мы снова вместе... Нет, я рад, конечно. Но не будут же из тебя делать пилота. Мы живая связка – «приёмник-ретранслятор». Запрут где-нибудь в охране императорской ре-

зиденции на всю оставшуюся жизнь...

– Жизнь покажет, – философски ответил рысь и снова исчез в густых зарослях.

«Хорошо бы сейчас поваляться на травке, – подумал Егор. – Но не в парадной же форме», – вздохнул он и продолжил прогулку.

Дорожка поднялась в горку, спустилась в ложбинку, прошла вдоль края ручья и зазмеилась между высоких густых кустов. Люди навстречу не попадались. Видимо, эта часть парка не пользовалась особой популярностью у посетителей. Внезапно слева послышалась какая-то возня.

– Пантелей, это ты там шумишь? – поинтересовался Белецкий у рыся.

– Кто? Я? – возмутился тот.

– Понял. Ладно, пойду, посмотрю. – Егор осторожно двинулся в сторону источника шума. Опасных зверей можно было не бояться – в худшем случае упрёшься в силовую ограду, в лучшем – зверь тебя просто не заметит, или не сможет напасть.

Звуки становились всё громче, и наконец, отогнув последнюю ветку, вчерашний штрафник увидел совершенно неожиданную картину. Шестеро молодых людей явно совершали противоправное действие: четверо тащили куда-то нечто явно живое, энергично извивающееся и пытающееся вырваться. Судя по некоторым особенностям анатомии и тона голоса, время от времени раздающегося из-под грубо за-

крывающей рот ладони – это явно была женщина. А двое шли рядом, настороженно оглядываясь по сторонам.

Егор буквально остолбенел.

Вероятность наткнуться в Империи на такую сцену, по всеобщему мнению, была примерно равна вероятности встретить на улице динозавра. Мало того что почти каждый уголок любого общественного места был нашпигован видеокамерами и микрофонами, так ещё и в каждом личном комме имелась «тревожная кнопка». Собственно, это была не кнопка, а комплекс программно-аппаратного обеспечения, который мог срабатывать как по приказу носителя комма, причём мысленному, так и самостоятельно, в случае выхода ряда медицинских параметров носителя за определённые рамки. Само собой, оперативно-спасательная группа выдвигалась на место пропажи сигнала с комма, если таковое случалось.

Надо ли говорить, что в таких условиях любое преступление влекло за собой неотвратимое наказание? А потому число таковых преступлений необратимо стремилось к нулю.

Однако сейчас Егор явно стал свидетелем из ряда вон выходящего факта. В голову приходили только две версии происходящего: либо проводится операция спецслужб, либо кто-то решил не очень удачно пошутить. Чуть погодя он нехотя добавил к первым двум версиям третью: какие-то отморозки реально решились на преступление.

Система опознавания у всех участников действия, как ни странно, включая девушку, была отключена, но шпаги на поясах молодых людей выдавали их дворянское происхождение. Тем более нереально в глазах Егора выглядело происходящее. От дворян он такого никак не ожидал.

Белецкого обучали мгновенно, на рефлексах, реагировать на изменение обстановки в боевых условиях, но то ж в боевых... Так что в данном случае отреагировал он не мгновенно. А с задержкой в полторы-две секунды. И отреагировал совсем не так, как до штрафбата.

Раньше он бы кинулся спасти честь дамы не раздумывая. Теперь же Егор, рассудив, что жизни гипотетической жертвы пока ничего не угрожает, первым делом вызвал по мысли-связи Пантелея, вкратце обрисовав ему ситуацию.

Вообще-то, правильнее было бы вызвать не пушистого товарища, а полицию. В конце концов, это их дело – поддерживать правопорядок. Но среди дворян было принято разбираться между собой без помощи этой организации, да и, по всем прикидкам, полиция и сама должна была быть в курсе и с минуты на минуту нагрянуть на место преступления.

Так что Белецкий, хоть и снял с пояса свою шпагу, не бросился в атаку, а осторожно, прячась за кустами и деревьями, двинулся за удаляющейся группой, в ожидании подхода рыся и полиции.

Надо сказать, что скрытно передвигаться удавалось с тру-

дом – парадная форма не имела функции адаптивного камуфляжа. «Хотя бы погоны защитного цвета, а не золотые», – с досадой подумал невольный сыщик, прячась за очередным кустом. Хотя до этого момента золотые погоны, эполеты, шевроны и прочая мишура парадки ему очень нравились. В основном потому, что производили если не неизгладимое, то благоприятное впечатление на молоденьких девушек.

Но сейчас все эти блестящие финтифлюшки только мешали, поэтому двигаться за странной процессией приходилось на порядочном расстоянии. Пантелею было проще. Он доложил, что находится почти рядом с группой, тоже не скрывая своего удивления и возмущения поведением людей. А вот полиции всё не было.

Что было плохо, ибо молодчики, похоже, достигли места назначения – укромного уголка парка, и, мягко говоря, не очень бережно опустили жертву на землю.

Девушка, а как удалось наконец рассмотреть Егору, жертвой оказалась молодая и довольно красивая девушка, тут же подскочила и попыталась убежать, но была моментально поймана и снова грубо брошена на сочную зелёную траву.

Видно было, что она что-то кричит, но не было слышно ни звука, из чего Белецкий сделал вывод, что тут не обошлось без «купола молчания» – портативного генератора тонкой куполообразной силовой плёнки, препятствующей распространению звука.

Егор вздохнул: «Придётся самому...» Вспоминая при этом, чем закончилось предыдущее его заступничество за честь дамы.

«Пантелей, не вмешиваться! Это дело между людьми», – с этими словами Белецкий вышел из-за ствола очередного дерева, за которым прятался от преследуемых, и решительно зашагал вперёд. Молча – ибо что-то говорить было бесполезно – «купол молчания» был двухсторонним и не пропускал звуки в обе стороны. Что сейчас сыграло Егору на руку – он смог приблизиться к месту действия метров на пятьдесят, прежде чем его заметили. К этому времени Белецкий уже перешёл на бег – ибо намерения ублюдков были уже предельно ясны – один начал расстёгивать на извивающейся в тщетных попытках вырваться из цепких объятий девушке кофточку, а другой, противно ухмыляясь, полез к ней под юбку.

Заметил Егора один из молодчиков, не принимавший участия в общей потехе. Очевидно, он должен был следить за окружающей обстановкой, но предпочитал оглядываться, причём довольно надолго. Очевидно, увиденное доставляло ему удовольствие.

Обнаружив неожиданного гостя, наблюдатель что-то крикнул остальным. Те недовольно оторвались от своего занятия и схватились за шпаги.

«Похоже, на разговоры ребята не настроены», – констатировал Егор.

Пробежав ещё несколько шагов, Белецкий получил от

комма сообщение: «Входящий запрос на принудительный доступ к блоку связи. Входящий запрос на принудительное отключение видеofиксации. Входящий запрос на принудительный доступ к оперативной памяти».

«Отказать!» – мысленно рывкнул Егор комму, мимолётно удивляясь сочетанию несочетаемых слов «запрос» и «принудительный». В голове мелькнуло: «Всё-таки СИБ!» Только спецслужбы могли вламываться в коммы подданных Империи без их, подданных, согласия.

Удивиться ответу комма: «Принято. Попытка несанкционированного доступа блокирована» Егор уже не успел. Пересечение границы «купола молчания» совпало с выходом в боевой режим. Ещё несколько шагов, или, скорее, прыжков, и вот он уже рядом с «противником».

«Только не убивать! Обратно в штрафники не хочу!» – мелькнуло в голове, и активированный клинок шпаги Белецкого скрестился с клинком первого соперника.

Они оказались неплохими фехтовальщиками. И в прошлой жизни у Егора не было бы ни единого шанса, даже если бы пришлось скрестить шпаги с одним из них. А не с шестью сразу.

Но сейчас всё было по-другому. Сквозь первых троих Белецкий прошёл как нож сквозь масло – они вышли против него по одному. Двое из оставшихся быстро сообразили, что к чему, и попытались напасть на передвигавшегося, словно

молния, противника вдвоём. Это им не очень помогло – через полминуты один из них уже оседал на траву, выронив шпагу и зажимая глубокую рану на правой руке. Осталось только добить второго. Но тут последний из участников шоу, до сих пор державшийся в стороне, выхватил полицейский шокер и шарахнул из него, не разбирая, где свои, где чужие.

Если бы Белецкий был в боевом скафандре, то он бы даже ничего не почувствовал. А так...

От шокера, работающего в широкополосном режиме, не убежишь, будь ты хоть трижды ускоренным. Егор успел увидеть, как губы жмущего на гашетку человека растянулись в торжествующей ухмылке, и мир вокруг погрузился во тьму.

Однако это не было потерей сознания. Вот уж сознание, по-видимому, было единственным, что осталось функционировать в его организме.

«Я мыслю – значит, существую», – вспомнил Егор. Потом пришло удивление. После попадания под излучение шокера потеря сознания гарантирована. А тут... Странно. Удивление сменилось досадой: «Надо было всё-таки вызывать полицию. Проявил, блин, благородство... Толку теперь с того, что сознание я не потерял, если потерял контроль над телом? Со мной теперь можно делать всё что угодно».

Полностью беспомощен. Ничего не видно, ничего не слышно. Вокруг – только тьма. Как во время испытания, когда инициировались телепатические способности. Телепатия? Пантелей!

«Пантелей!» – мысленно заорал Егор. А в ответ – тишина. И темнота... Значит, и телепатия отказала, сделал печальный вывод горе-спасатель прекрасных дам.

Внезапно в темноте возникли светлые пятна. Они постепенно становились всё ярче и ярче, обретая резкость и наливаясь багровым светом. И наконец превратились в надпись: «Отказ опорно-двигательного аппарата!» Тут же под ней образовалась новая строчка: «Отказ зрения!» Сразу же под ней: «Отказ слуха!», и ниже: «Отказ!..», «Отказ!..», «Отказ!..».

«Глюки? – подумал Егор. – Я и так вижу, что всё отказало. Кстати, а что насчёт радиосвязи? Она ведь вроде не зависит от состояния тела...» Словно в ответ на эту мысль, а может, именно в ответ вспыхнула очередная надпись: «Радиосвязь заблокирована. Активные помехи».

Вот так, огорчился Егор. Тем временем сообщения у неведомо откуда взявшейся системы диагностики, видимо, закончились. Новые строки с сообщениями об отказах перестали появляться, и система выдала итог: «Основные системы, неработоспособность – сто процентов».

«Спасибо, я удивлён!» – саркастически подумал Егор. Чуть помедлив, система вывела следующее сообщение: «Тестирование дублирующих систем».

Вот тут уж Егор удивился по-настоящему: «Какие дублирующие системы?!»

После небольшой паузы появилось сообщение: «Готов-

ность дублирующих систем – тридцать шесть процентов», и чуть ниже: «Запускать дублирующие системы?»

«Да!»

Снова побежала чередой строчек системы диагностики. Теперь буквы были жёлтые, а в конце каждой строки стояла степень готовности в процентах, колебавшаяся от двенадцати до пятидесяти семи. Лучше всего почему-то оказалась ситуация с обонянием. «Вот уж что мне сейчас больше всего нужно», – мысленно прокомментировал Егор. Наконец появилось сообщение: «Дублирующие системы запущены», и тут же стена, отделявшая Белецкого от внешнего мира, рухнула.

Первым, как и следовало ожидать, Егор ощутил запах. Это был запах крови. Потом появился вкус. Как ни странно, тоже крови. «Я что, грыз кого-то?» – удивился Белецкий. «Или разбиты губы?» – пришло ему на ум более реалистичное объяснение. Дальше рассуждать было некогда, так как подключились мыслесвязь и слух.

В звуковом диапазоне послышался какой-то скулёж, а по мыслесвязи раздался истошный крик Пантелея: «...вись! Остановись! Да стой же!»

Появилось зрение. Почему-то картинка была чёрно-белой. Земля оказалась слишком близко, как будто Егор стал ниже ростом или стоял на коленях. На земле валялся какой-то неизвестный бледнолицый тип. «Бледнолицый» – это не в смысле расовой принадлежности, а в смысле того, что

лицо у него было блее мела. То ли от испуга – незнакомца нежно держал зубами за горло Пантелей, то ли от потери крови – почти вся одежда нового действующего лица была покрыта пятнами какой-то тёмной жидкости. Егор подозревал, что в цветном варианте изображения пятна будут красного цвета.

«Наконец-то!» – обрадовался Пантелей, при этом, впрочем, не отпуская свою «добычу». «А теперь отключи, пожалуйста, шпагу».

Егор попробовал двинуть головой. Получилось. «Хорошо... А наклонить?» Тоже. Замечательно. Заодно выяснилась причина близости поверхности. Белецкий стоял даже не на коленях, а на четвереньках, причём правая рука с зажатой в ней активированной шпагой была протянута в сторону композиции из рыся и человека.

«Так... Теперь попробовать разжать пальцы...» Тоже вышло. Рукоять упала в траву. Клинок, как ему и положено, погас, как только лишился физического контакта с владельцем.

«Ну и что здесь произошло, пока я был в отключке?» – Белецкий медленно обвёл взглядом поле боя, при этом пытаясь подняться с четверенек на колени. Подняться удалось с трудом. Егор подумал, что вот так себя, наверное, чувствуют дряхлые старики.

Осмотр показал наличие валяющихся вокруг пятерых мужчин с различными ранами и травмами, а также одной девушки со связанными руками и ногами, лежащей на спине.

Лицо у девушки – той самой «жертвы подонков», было почти таким же белым, как у «клиента» Пантелея. Когда на неё упал взгляд Егора, девушка отчего-то начала, отталкиваясь ногами, отползать подальше. Далеко уползти, правда, у неё не получилось – помешал большой камень. Упёршись в него спиной, девушка затравленно уставилась на Белецкого, причём глаза у неё, и до того широко распахнутые, сделались чуть ли не на пол-лица.

«И чего она испугалась? Я что, такой страшный?» – недоумённо подумал Белецкий, вновь поворачивая голову к рысю. Осмотр места происшествия вызывал один вопрос.

«Куда делся шестой, и откуда взялся этот тип?» – поинтересовался Егор у Пантелея.

И в ответ получил встречный вопрос: «А ты что, ничего не помнишь?»

«Не-ет», – Белецкий дёрнул рукой, автоматически попытавшись почесать в затылке. Но рука только дрогнула, а дальше двигаться не захотела. Молодой человек огорчённо скосил на неё глаза и решил не тратить зря силы, которые могли ещё пригодиться для более важных дел.

«Почему-то я так и подумал», – сообщил рысь, отпустив горло незнакомца, но зубы далеко не убирая.

«А кто это? – поинтересовался Егор. – И чего ты в него вцепился? И откуда он взялся? И куда делся ещё один? Или...» – в голове молодого человека мелькнула догадка.

«Именно!» – послышался «голос» Пантелея, в звуковом

диапазоне рыкнувшего на свою попытавшуюся пошевелиться «добычу». «Я так понимаю, что этот тип – главный из наших мерзавцев. Прятался от тебя за спинами своих до последнего, а потом шарахнул из шокера», – Рысь сделал паузу.

«Ну!» – мысленно потребовал продолжения объяснений Егор.

«А дальше начинается самое интересное, – с довольными интонациями в “голосе” продолжил рассказ Пантелей. – Ты должен был моментально вырубиться. Но...»

«Что но? Не томи! Выкладывай давай!»

«Но не вырубился, – сообщил Рысь. – Только стал такой... Как Похмелов на станции, когда мёртвый уже был. И связь с тобой пропала. Я уж было подумал, грешным делом, что ты... В общем и двигался ты, как будто тебя кто-то „ведёт”. Глаза пустые, а лицо... Да оно у тебя и сейчас как у статуи. Ноль эмоций».

«Да?» – Егор попробовал улыбнуться.

Лежащий на земле парень побледнел ещё сильнее, хотя казалось, что сильнее уже некуда, и задвигал ногами и локтями, пытаясь отползти подальше, лёжа на спине. Точь-в-точь как недавно девушка, из-за которой вся каша и заварилась. Увидев такую реакцию на свою улыбку, Белецкий обрадовался, что сейчас «прекрасная дама» его лица видеть не может. «А то могло бы оказаться, что зря спасали», – мрачно подумал он.

Пленнику далеко отползти не удалось. Пантелей, преду-

предительно рыкнув, снова легонько схватил того за горло. Легонько-то легонько, но человек и так уже напоминал жертву вампира из фильма ужасов. Вся шея была в крови, сочившейся из неглубоких, но чувствительных ран.

«Рассказывай про этого», – Егор чуть дёрнул головой, обозначая кивок в сторону лежащей фигуры.

Пантелей снова отпустил свою перепуганную жертву и рыкнул уже в сторону другого участника действия, который попытался дотянуться до своей шпаги, валяющейся неподалёку. Можно было и не перестраховываться – даже если бы и дотянулся, то встать на ноги всё равно не смог бы из-за глубокой раны на правом бедре, уже наспех затянутой перевязочной мембраной из индивидуального перевязочного пакета. А что? Носишь шпагу – носи и пакет. Это правило было знакомо с детства каждому дворянину. Да и места пакет много не занимал – можно было носить в кармане. Остальные враги тоже не представляли опасности. Ранения, полученные ими, не позволяли вести бой. Один даже перевязать себя сам не смог – ему помог товарищ. При этом он поминутно оглядывался на Егора и Пантелея. Причём непонятно, кого он боялся больше.

«Ты больше так не делай», – заявил рысь.

«Да, следующий раз, наверное, надо вызывать полицию», – согласился Егор.

«Знаю я твой „следующий раз“... Но я не про это. Ты больше *так* не делай».

«Как – так?»

«Ну, что там у тебя только что стало с лицом? Даже я почти испугался. А наш „подопечный” чуть коньки не откинул. Стоило мне его спасать».

«Так ты его спасал?!» – удивился Белецкий.

«Ну да. Ты, это... когда не в себе был, кинулся на него. Ну, думаю, сейчас убьёт! И опять в родную штрафную роту. Жалко тебя стало. Ну, я и решил вмешаться. Прыгнул на него, оттолкнул подальше. Шокер из руки выбил и что-то там задел, у него „личина” и отключилась. Так что можем лицезреть красавчика, так сказать, в натуральном виде».

«Это, конечно, хорошо. Но что будем делать дальше?»

«А что делать? Ждать. Шокер парализует на пятнадцать минут. Пять уже прошло. Ещё десять – и можно начинать разбираться», – оптимистично заявил Пантелей.

«И что, я десять минут буду торчать здесь как истукан?!» – возмутился Егор.

«По идее, ты должен был лежать здесь как истукан», – напомнил другу рысь.

«Ну да», – согласился Егор и попробовал подняться на ноги, подхватив при этом с земли рукоять шпаги. К его удивлению, перейти в вертикальное положение, хоть и с трудом, но получилось. Остальные, похоже, ничему уже не удивлялись. Просто боялись. Белецкий почти физически чувствовал исходящие от них волны страха.

Молодой человек постоял немного на месте, борясь с

внезапно подступившим головокружением, а потом сделал несколько шагов по направлению к валяющемуся неподалёку шокеру. В его руках эта игрушка, конечно, работать не будет, но зато любой, кто захочет ей воспользоваться, сначала должен будет отобрать её у Егора. Попробовать отобрать.

Чтобы подобрать шокер, пришлось нагнуться. Это получилось более-менее легко, а вот разогнуться обратно... Снова закружилась голова. На этот раз, правда, не так сильно. Так что Белецкий всего лишь качнулся, и собрался уже засунуть бесполезную для него железяку за пояс, как модуль сопряжения с оружием выдал сообщение: «Полицейский нейрощокер „Горгона-3М” подключен и готов к применению».

Егор чуть не упал снова: оружие полиции должно было подчиняться только полицейским. А тут...

Хотя вряд ли лежащий на земле тип был полицейским. А значит, блок опознавания шокера, скорее всего, каким-то образом перепрограммирован на доступ к нему любого человека. Это считалось теоретически невозможным, но в последнее время Белецкий видел слишком много вещей, считавшихся невероятными, так что удивлялся недолго.

Егор поводит стволом влево-вправо, проверяя, сможет ли он в случае чего утихомирить всех присутствующих. Получилось, что сможет. Ещё недавно уверенные в своём превосходстве молодчики произвольно вздрагивали и ёжились, когда оказывались на линии огня.

– Всем оставаться на местах. Стреляю без предупрежде-

ния.

«Неужели это мой голос?!» – удивился Егор. Слова давались с трудом и были скорее похожи на карканье вороны.

«Так, дружище, – мысленно обратился Белецкий к рысу, – есть предложение не ждать целых десять или сколько там осталось минут, а начать действовать прямо сейчас. Я посторожу этих орлов, а ты пока отбеги подальше и свяжись с бароном. Генератор помех не может быть слишком мощным – скорее всего, радиосвязи нет в радиусе от пятидесяти до двухсот метров. Обрисуй ситуацию. Может, чего посоветует».

«А ты в состоянии?» – усомнился Пантелей.

Егор чуть повернул руку и нажал на спуск, предварительно задав шокеру параметры «узкополосный режим» и «минимальная мощность».

«В состоянии. Беги давай». Единственный оставшийся относительно неповреждённым обидчик симпатичных девушек обмяк и безвольной куклой растянулся на траве. «Как раз на пять минут», – удовлетворённо заметил Белецкий.

«Ладно, бегу», – рысь с быстротой молнии скрылся в кустах, и Егор оказался наедине с оставшейся компанией. Вообще-то, надо было опросить присутствующих на предмет, что здесь происходит, или хотя бы развязать даму, но молодой человек не торопился делать ни то, ни другое. Чтобы вести допрос, надо разговаривать, а разговаривать было трудно, а относительно девушки – во-первых, Егор сомневался,

что сможет её развязать, а во-вторых, опасался, что будучи развязанной, она сразу попытается убежать и вляпается куда-нибудь ещё. А догнать спасённую Белецкий сейчас бы не смог.

Через пару минут вернулся рысь. То есть вернулся он не совсем. Показываться не стал, а спрятался в кустах неподалёку. И оттуда сообщил:

«Барон приказал здесь оставить всё как есть. Никого не трогать. Никуда ничего не сообщать. Быстро уходить. Девушку забрать с собой. Довести до людного места, а там пусть делает что хочет. Код подтверждения приказа получен. Так что сматываем удочки».

«Гм, „сматываем удочки“... Ещё пять минут я должен находиться в шоке, ты не забыл? Да и потом я буду двигаться как полупьяный. Быстро уйти не получится».

«В шоке он, видите ли, будет находиться... По-моему, в шоке тут все, кроме тебя. От твоего неправильного поведения».

«Я!..» – возмущённо начал Егор. И замолчал.

Мир вокруг внезапно стал цветным. «Зрение восстановилось полностью», – прокомментировала система диагностики. «А то я сам не вижу!» – буркнул про себя Белецкий.

«Вот! Даже ты заметил!» – обрадовался Пантелей.

«Да я не тебе!» – отозвался Егор.

«А кому? – удивился рысь. – Тут что, кроме меня ещё кто-то есть?»

«Сам с собой разговариваю».

«Однако это опасный симптом», – делано озабоченно отозвался рысь.

«Речевой аппарат в норме». «Опорно-двигательный аппарат в норме». Теперь, в том же порядке, что и сообщения об отказах, посыпались доклады о возобновлении нормально-го функционирования организма. Завершившиеся словами: «Резервные системы отключены».

«На пять минут раньше!» – восхитился обнаружившимися новыми способностями Егор. Для пробы он помотал головой. Голова двигалась легко, без усилий. Обычно всей этой лёгкости движений не замечаешь, но сейчас...

«Что – нет?» – послышался «голос» Пантелея.

«В смысле?» – удивился Белецкий.

«Ну, ты головой помотал... отрицательно».

«Это я просто помотал головой. Проверка работоспособности».

«И как?»

«Работает!»

«Ну так забирай свою даму и бегом отсюда!»

«И вовсе она не моя». Егор попытался сделать пробный шаг. Получилось. Второй... Замечательно!

– Никому не двигаться! – Белецкий поводил шокером туда-сюда, бочком-бочком продвигаясь к девушке. – Сейчас мы уйдём, и если никто не будет делать глупостей, то обойдётся без жертв.

Произнеся этот маленький спич, Егор попытался улыбнуться. «Так. Вроде получилось. Теперь можно повернуться к девушке».

– Сударыня, повернитесь, пожалуйста, набок. Я вас развяжу, – обратился он к прелестному испуганному созданию.

«Я бы на твоём месте развязал ей только ноги. Сейчас рванёт куда глаза глядят. Лови её потом... А так – доведёшь, куда надо, а там развяжешь руки».

«Эх-х, темнота ты пушистая! Разве ж так прекрасных дам спасают?»

«Ну да. Ты серьёзно думаешь, что спасённая красавица тут же бросится на шею и запечатлит горячий поцелуй на твоих устах, о отважный спаситель прекрасных дам?» – иронично поинтересовался рысь.

«Ты где таких слов набрался? Женские романы почитываешь?» – ответил вопросом на вопрос «отважный спаситель» и принялся освобождать девушке ноги, видя, что поворачиваться набок, а значит, спиной к своему спасителю, она не торопится. Разогнув фиксирующий прут на ногах, он повторил свою просьбу, постаравшись изобразить как можно более располагающую улыбку.

С тем же результатом. «И ведь ни слова не сказала. Поведение, нехарактерное для большинства девушек, – подумал Белецкий. – Или она до сих пор в шоке?»

– Не бойтесь. Вам ничего не угрожает. Сейчас я развяжу вам руки, и мы вместе пойдём к ближайшему людному ме-

сту. Там я вас покину, и вы будете вольны вести себя, как будет душе угодно, – с этими словами молодой человек, стараясь быть максимально вежливым и аккуратным, поднял молоту с земли и, повернув её к себе, кхм, задом, к валяющимся на земле добрым молодцам передом, начал выполнять озвученное обещание. Вообще-то разгибать фиксатор, удерживая в одной руке шокер и поминутно поглядывая по сторонам – не самое простое занятие. Кто не верит – может сам попробовать.

Но Егор справился с задачей довольно быстро. Не прошло и минуты, как прут упал на траву.

И освобождённая девица, всё так же не произнося ни слова, рванула в кусты. Причём в направлении не людных мест, а самых дебрей парка, если верить имеющейся у Белецкого карте.

Егор растерянно оглянулся на «зрителей», поднял было шокер, но, рассудив, что эти орлы и без отключки сейчас далеко не уйдут, всё так же боком-боком, не выпуская из виду остающихся, направился вслед за убегающей. Уйти-то они далеко не смогут, а вот пальнуть из чего – запросто. Их ведь никто не обыскивал.

Пантелей, конечно, подстрахует, если что, но, как говорится, на рыся надейся, а сам не плошай. С этой мыслью молодой человек юркнул в густые заросли, в которых скрылась бегунья.

Впрочем, «юркнул в заросли» – это сильно сказано. В от-

личие от девушки, которая, казалось, специально выбирала места, где погуще, Белецкий старался передвигаться по более-менее открытой местности. Перспектива замазать и порвать парадку, которую удалось сохранить в целости и чистоте даже в бою с отморозками, его не прельщала.

«Проще было оглушить её из шокера и самому дотащить, куда надо», – мелькнула здравая мысль в голове Егора, когда он искал пути обхода очередных зарослей, сквозь которые преследуемая девица, судя по клочкам одежды и поломанным веткам, прошла, словно танк.

Обход препятствий занимал много времени, поэтому Белецкому всё никак не удавалось настигнуть девушку, двигающуюся практически по прямой, несмотря на то что скорость у него была выше.

Внезапно впереди раздался истошный женский крик.

«Боже! За что мне это наказание?! Куда она ещё влезла?» – Егор резко ускорился.

Тут уж было не до огибания преград.

«Дурак! Пижон несчастный! Форму он берёт, видите ли!» – молодой офицер был жутко недоволен собой. «Надо было сразу ломиться прямо за ней! Давно бы уже догнал!»

То и дело возникающие на пути ветки больно хлестали по телу, один раз послышался звук, подозрительно напоминающий треск разрываемой ткани. Но Егор не снижал скорости. Вот наконец деревья раздались в стороны, и он выле-

тел на небольшую полянку. Прямо впереди метрах в пятидесяти тѣк неглубокий, но достаточно широкий, чтобы его нельзя было перепрыгнуть, ручей. Слева рос густой колючий кустарник, а справа... Справа возвышалась поросшая мхом гранитная скала. Не очень высокая, зато почти отвесная.

Забраться по ней было бы трудновато даже Егору, а не то что хрупкой девушке. Она, очевидно, тоже это понимала, потому и не делала никаких попыток. А может, просто испугалась. Уже в который раз за сегодняшний день. Девушка стояла, прислонившись спиной к скале, а перед ней прижался к земле, делая вид, что вот-вот прыгнет, Пантелей. При этом он время от времени порывивал, не давая «жертве» расслабляться.

«Ты что делаешь?!» – мысленно заорал на напарника Белецкий, оторопевший от такого зрелища.

«Что делаю, что делаю... Тебе подсобляю. Ты бы бедняжку ещё полдня по парку гонял, пока она не споткнулась бы и ногу не подвернула, или треснулась лбом об дерево. Но я вижу, кто людям помогает, тот тратит время зря... Сейчас уйду, и лови её снова, хоть до второго пришествия».

«Нет! Погоди немного!» – Белецкий признал правоту рыся и, пораскинув мозгами, решил воспользоваться ситуацией. «Ты, кстати, заметил, что девица тут не просто так стоит?» – поинтересовался он у напарника.

«Ты про во-он ту веточку?» – рысь тоже заметил, что рука девушки медленно тянется к торчащей неподалёку из скалы

толстой сухой ветке – останкам некогда росшего здесь дерева.

«Про неё самую. Ты понимаешь, что это значит?»

«Что она хочет огреть меня этой дубинкой по голове?» – сделал предположение рысь.

«Нет. Что она снова в состоянии адекватно воспринимать ситуацию».

– Барышня! Не бойтесь! Я дворянин и офицер Флота. Я не причиню вам вреда! – обратился Егор к «несчастной жертве».

Та вздрогнула и бросила быстрый взгляд на своего преследователя.

Рысь тоже быстро обернулся и переместился так, чтобы видеть обоих людей, при этом отодвинувшись от скалы на пару метров дальше. Чем девица мгновенно воспользовалась. Ухватившись одной рукой за остатки дерева, она с неожиданной силой дёрнула ветку на себя. Раздался громкий хруст, и отломленная почти у самого основания ветка превратилась в довольно увесистую дубинку, которую девушка теперь держала обеими руками, выставив перед собой почти горизонтально. При этом она постоянно вертела головой, стараясь не выпускать из виду ни рыся, ни человека.

«Ещё раз предлагаю – оглушил бы ты её из шокера. Меньше мороки было бы», – сердито «проговорил» рысь.

– У вас есть шокер. Стреляйте в зверя! – скомандовала девица.

«О! Она таки умеет говорить!» – восхитился рысь. И тут же сокрушённо добавил: «Значит, идеальной жены из неё не выйдет...»

«Это ты о чём?» – поинтересовался Белецкий, потянувшись к заткнутому за пояс оружию.

«Ну, как? Знаешь этот анекдот? Идеальная жена – это длинноногая глухонемая блондинка 90-60-90, хозяйка пивного бара. А эта – не глухонемая. Значит, идеальной женой быть не может. Ты, кстати, в кого стрелять-то собираешься? В неё или в меня?»

«Ни в кого. Сейчас ты быстро сматываешься во-он в те кустики...»

«А ты в очередной раз пытаешься наладить контакт с прекрасной незнакомкой. Говорю же тебе...»

«Потом поговорим. Брысь!» – не очень вежливо перебил Егор друга и потянул шокер из-за пояса.

Рысь обиженно мявкнул и исчез в зарослях.

– Убежал! – делано огорчённо вздохнул Белецкий, обращаясь к девушке. – Но вы не волнуйтесь, я начеку и успею спасти вас от этого противного зверя, если он решит напасть снова.

«Сам ты противный!» – возмутился следящий за происходящим из кустов рысь. «Вот так всегда! Ты ему помогаешь, а он!..»

«А что я должен был сказать? Успокойтесь, барышня, это цивилизованный мыслящий рысь? Позвольте вас предста-

вить друг другу...»

«Ну ладно, уговорил».

– Да уж, – язвительно отозвалась «спасённая». – Если даже здесь, на поляне попасть не успели... То представляю, что будет, если он внезапно прыгнет с дерева.

– Я специально протянул немного, – начал оправдываться Егор. – Тут, в парке, звери с шокером почти все встречались – когда ветеринары их усыпляют для медосмотра. Так что знают, что это такое. Я рассчитывал, что, увидев оружие, зверь убежит. И, как видите, оказался прав.

«Выкрутился», – прокомментировал за кадром Пантелей.

– Ну ладно, – хотя опасность вроде бы миновала, палку из рук девушка выпускать не собиралась. – И что вы собираетесь делать дальше?

– Доведу вас до ближайшей стоянки аэротакси, посажу в машину, и вы свободны, как вольный ветер. В том числе и от моего общества, которое, как вижу, вас несколько смущает...

– Извините, пожалуйста. Я сейчас всего боюсь и никому не доверяю. Надеюсь, вы меня понимаете... – девица оторвала левую руку от своего импровизированного оружия и быстро поправила непослушный локон.

«Ага! О красоте вспомнила! Значит, отходит потихоньку», – обрадовался Белецкий.

Девушка замолчала, явно колеблясь, принимать ли предложение незнакомца. Егор не торопил события, давая ей вре-

мя прийти к правильному решению.

– Ну что ж, – после почти минутного молчания спасённая заговорила снова. – Я принимаю ваше предложение, господин... – она вопросительно взглянула на молодого человека.

«Что делать? Можно ли мне называть себя? С одной стороны, лучше сохранить своё имя в тайне. С другой... Барон напрямую не запрещал. А если я сейчас не представлюсь, эта красавица ещё подумает что-нибудь нехорошее и опять кинется в бега. Поймать-то я её поймаю, но время...»

– Егор Белецкий, лейтенант ВКФ, – наконец решился молодой человек.

– Елена... – в свою очередь назвала своё имя девушка и, сделав паузу, добавила: – Корнилова.

Услыхав знаменитую фамилию, Егор немного замялся, но всё же решился спросить:

– Вы не?..

– Дочь, – коротко подтвердила догадку Белецкого прелестная собеседница.

– Извините, что...

– Прощаю! – улыбнулась девушка. Улыбка получилась милая и непосредственная. Молодой человек невольно залюбовался красавицей, старательно отводя глаза от тех мест, где пришедшее после известных событий в некоторый беспорядок платье открывало доступ к некоторым её прелестям. Однако взгляд почему-то подчиняться командам мозга не хотел и постоянно перескакивал именно вот на эти места.

Елена тоже опустила взгляд и покраснела.

– Отвернитесь, пожалуйста, я приведу себя в порядок, – попросила она.

– Да, конечно, – согласился Егор, спешно отворачиваясь.

«Пантелей, поглядывай!» – Белецкий серьёзно опасался, что спасённая может попытаться ударить его сзади палкой. Кто их знает, этих блондинок, что им может в голову взбрести.

«Могу не только подглядывать, то есть, извини, поглядывать, но и записывать!» – отозвался рысь.

«Ты свои шуточки брось! – вспыхнул Егор. – Ты слышал? Дочь такого человека!»

«Всё! Нем как рыба! – насмешливо отозвался Пантелей и добавил: – Можешь оборачиваться!»

– Можете обернуться, – послышался сзади прелестный голосок.

Белецкий послушно обернулся.

– Всё. Мы можем идти. Вот только куда? – задумчиво повертела головой по сторонам спасённая красавица.

– Сейчас вернёмся немного, потом возьмём левее – помните, там, где старый раздвоенный дуб? Там метров через восемьдесят должна быть дорожка. По ней мы без особых проблем минут за пятнадцать дотопаем до посадочной площадки. Вы действительно можете идти самостоятельно? Всё в порядке? Ничего не болит? – озабоченно поинтересовался Белецкий у девушки.

– Нет, ничего не болит. Пойдёмте.

«Пантелей, давай двигай вперёд, на разведку. Если что не так, дай знать», – обратился Егор к рысю, трогаясь в путь.

«Хорошо. Но и вы там давайте быстрее. И аккуратнее. Ближнюю угрозу я замечу, но от снайпера, особенно с кинетическим оружием, не спасу».

«Ты думаешь, дело может дойти до снайпера?» – забеспокоился Белецкий.

«Я думаю, что надо учитывать самые худшие возможности».

«Тогда уж надо оставаться на месте. От орбитального ядерного удара нам всё равно не уйти», – мрачно пошутил Белецкий, но маршрут стал выбирать так, чтобы находиться на открытом пространстве как можно меньше.

Молодому человеку, во-первых, как галантному кавалеру, а во-вторых, из соображений безопасности приходилось идти первым. И честно говоря, дубинка в руке у топающей сзади девушки изрядно действовала ему на нервы.

– Кстати, палку вы можете выкинуть. Теперь вы в безопасности, – обернулся он к своей спутнице.

– Моя дубинка вас нервирует? – улыбнулась та, сделав большие глаза.

– Честно говоря, да, – признался Егор.

– А меня нервируют ваши шокер и шпага, – заявила в ответ девушка. – Будем меняться?

– Нет, пожалуй, останемся каждый при своём, – улыбнул-

ся молодой человек.

Тропинка обнаружилась строго в обещанном Егором месте.

– Нам туда. – Белецкий махнул рукой в сторону посадочной площадки.

– Вы так хорошо знаете парк. Наверно, часто гуляете здесь? – задала вопрос Елена.

– Нет. Просто пользуюсь картой. А вы что, без карты гуляете?

– Гулять с картой – неромантично, – заявила спутница Егора. – Я всегда брожу по парку наугад, и не знаю, что встречу за следующим поворотом...

– Сегодняшняя встреча была не из приятных сюрпризов, – заметил Белецкий и тут же выругался про себя, увидев, как девушка вздрогнула.

– Да, сегодня – не из приятных. Я даже не подозревала, что *такое* у нас может быть.

– Я тоже, – вздохнул молодой человек. – Но, оказывается, бывает...

– Наверное, я больше никогда сюда не пойду, – вздохнула Елена.

– Да нет, почему? Одной, наверное, не следует здесь бродить, но можно ходить с кем-то, кто не даст вас в обиду, – произнёс Егор, запнувшись на последних словах. До него дошло, что сказанное им можно расценить как предложение к

продолжению знакомства. Вот уж такого смысла в свои слова он вкладывать не собирался. После недавнего случая с Мари молодой человек ещё не был готов завязывать новые отношения с прекрасным полом.

Поэтому он, слегка смутившись, отвернулся и сделал вид, что внимательно вглядывается в окружающий пейзаж в поисках возможной угрозы. На самом деле, конечно, если бы там имелась какая-то угроза, Пантелей бы давно уже поставил об этом друга в известность.

Вглядывался в заросли Егор недолго. Внезапно позади раздался громкий вскрик. Белецкий резко обернулся.

И увидел сидящую на земле девушку.

– Кажется, я ногу подвернула, – жалобно проговорила она.

Егор вздохнул и полез за аптечкой.

– Сейчас обезболим...

– Нет! – Елена решительно замотала головой. – Не надо!

Я так дойду, – и попробовала подняться на ноги.

Подняться-то у неё получилось, а вот ходить, как выяснилось после первого шага, – не очень.

– Вот видите, и палка моя пригодилась, – пошутила спутница Егора, опираясь на свою ветку, с которой так до сих пор и не рассталась. – С ней доковыляю.

– Нет, так дело не пойдёт, – решительно заявил молодой человек. Двигаться надо было быстро, а таким манером они доковыляли бы до посадочной площадки примерно через полчаса. – Бросайте вашу палку. Я вас донесу.

И, не дожидаясь возражений, подхватил опешившую девушку на руки.

– Палку всё же выбросьте, она вам держаться мешает. Ой! Да не мне же на ногу!

– Извините, – Елена мило покраснела и обвила Белецкого руками за шею. – А донесёте?

– Попробую, – пробормотал Егор. Ноша была не тяжёлая, вот только его молодой организм, почувствовав близость женского тела, немедленно отреагировал переходом в «боевое» состояние.

Так что отважный спаситель прекрасных дам тоже смутился и дальше топал молча, делая вид, что вздымающаяся чуть ли не перед глазами обтянутая лёгкой тканью упругая грудь, обвившиеся вокруг шеи нежные ручки, щекочущий щёку светлый локон и лёгкий запах духов его совершенно не волнуют.

Девушка тоже замолчала, так что какое-то время в звуковом диапазоне слышался только звук шагов молодого человека.

Зато по мыслесвязи завязалась оживлённая беседа.

Начал её Пантелей:

«Гляди, какая приткая красавица. Не успела познакомиться, а уже едет у тебя на шее, и ножки свесила».

«Так! Котяра! Человек ногу подвернул, что, не видишь?» – возмутился Егор.

«Во-первых, я не котяра, а рысь, притом разумный! А во-

вторых – не вижу. Я не меддиагност. Да и ты тоже... В общем, что там она подвернула, и подвернула ли...»

«И что мне теперь, справку из больницы от неё потребовать?»

«Нет, конечно, но будь там поосторожней... Не увлекайся».

«Я и не увлекаюсь. Она совершенно не в моём вкусе».

«Ну, это-то как раз не очень важно. Главное, чтобы ты был в её вкусе. А там и не заметишь, как окрутит. Женщины, они такие».

«Так, ладно, заканчивай свои шуточки. Следи лучше за обстановкой».

«Ну ладно. Молчу, молчу...»

Пиктограмма наличия радиосвязи замигала почти перед самой площадкой. Почти сразу было получено входящее сообщение от барона, содержащее подтверждение приказа, переданного Пантелеем.

– Ой! Связь появилась! – обрадовалась Елена.

– Да. Я уже вызвал такси.

– Вы проводите меня до дома?

«Вот! Я же говорил, – не удержался рысь. – Женщины! Только что бегала от тебя, а теперь уже домой на чашечку чая со всеми вытекающими последствиями приглашает».

«Не домой, а до дома. Почувствуй разницу. И вообще – собирался молчать, так молчи. Я сейчас с ней отправлюсь, а

ты возвращайся на базу. Вечером поговорим».

«Слушаюсь, ваше высокоблагородие!»

«Так!..»

«Спокойно, спокойно... не забывай, что нервные клетки восстанавливаются очень медленно».

Егор решил не обращать внимания на реплики напарника, на которого ни с того ни с сего напало игривое настроение.

– Такси я уже вызвал. Но, может, лучше не домой, а в больницу? – обратился он к девушке.

– Нет, не надо. Вызову врача на дом.

– Как скажете, – ответил Егор, наблюдая, как на площадку, к которой они как раз подошли, почти бесшумно опускается лёгкий вертолёт аэротакси.

В попытках спрятаться от поднятого им ветра девушка почти прижалась лицом к щеке молодого человека. Так, что он почувствовал её горячее дыхание. Причёска Елены растрепалась, и ветер отбросил её длинные волосы прямо Егору на глаза.

«Хорош я сейчас... – подумал он. – Бери меня хоть голыми руками. Руки заняты, и ничего не вижу». Однако девушку на землю Белецкий опускать не спешил. Дождавшись, пока винт почти остановится, он донёс спасённую до винтокрылой машины и бережно опустил в одно из двух кресел, находящихся под предупредительно откинувшимся блистером.

Потом запрыгнул во второе кресло и предложил девушке:

– Заказывайте адрес.

Та согласно кивнула. Через несколько секунд блистер плавно опустился, и машина взмыла в голубое небо.

«Удачи!» – послышался «голос» Пантелея, в котором Белецкому почудились ироничные интонации.

«До встречи на базе!» – ответил Егор напарнику, наблюдая, как проваливается вниз образованное кронами деревьев зелёное море, а впереди, на его краю вырастают силуэты городских зданий. Судя по всему, машина шла не прямо по курсу, а, заняв свой эшелон, направлялась к одному из транспортных коридоров, выделенных для лёгкого авиатранспорта.

Так и получилось. Выйдя к широкой реке, такси пошло вдоль русла. Несмотря на исключительную надёжность современной техники, на транспорте действовали древние правила безопасности, гласившие, что маршруты воздушных транспортных средств должны проходить в наименее населённых местах. Справа и слева проплывали оживлённые кварталы столицы. Вертолёт летел не очень высоко, так что можно было различить не только снующий по улицам транспорт, но и заполнивших тротуары людей.

Кстати, дома в столице были очень высокими. Исключение составлял возвышавшийся впереди-справа величественный комплекс зданий императорского дворца, доминировавший над городом.

Ограничение по высоте застройки существовало отнюдь не для того, чтобы, не дай бог, какое-нибудь здание не ока-

залось выше дворца. Эта норма существовала по всей Империи. Небоскрёбов не строили, ибо из них было труднее обеспечить эвакуацию в случае чего. Так что встретить дома выше тридцати этажей было нереально.

– А вы сильный, – прервала затянувшуюся паузу девушка. – Так долго меня на руках несли...

Раньше Егор бы брякнул в ответ что-то вроде «Я готов носить вас на руках всю жизнь».

Но сейчас, не столько умудрённый жизненным опытом, сколько, наверное, находясь под впечатлением колких замечаний рыся, ответил осторожнее:

– Держать на руках такую замечательную девушку – честь для любого мужчины.

– Почему «замечательную»? Вы же меня совсем не знаете. Может, я скандальная эгоистичная стерва? – рассмеялась Елена.

– Интуиция, – выкрутился молодой человек.

– А-а-а, интуиция, – протянула собеседница Белецкого. И внезапно перескочила на другую тему: – Мне, кстати, почему-то ваше имя кажется странно знакомым. Будто я его уже где-то слышала... – задумчиво проговорила она, наморщив лоб.

– Может, общие знакомые? – предположил Егор и тут же пожалел о сказанном. Сейчас начнётся вычисление общих знакомых...

Но девушка внезапно снова сменила тему:

– Вы знаете, странно. Сейчас хотела отправить заявление в полицию, но у меня почему-то не оказалось видеозаписи этого... события. Причём запись не стёрта, а как будто её и не было. А у вас?

– У меня, кажется, тоже нет, – соврал Егор. Вот уж у него-то как раз всё было записано от начала до конца. Но перед принятием решения, подавать ли заявление в официальные инстанции, он хотел посоветоваться с бароном. Благо до встречи с ним осталось около получаса. – По крайней мере, я не могу добраться до этого файла. Но вы всегда сможете рассчитывать на мои показания. Даже если меня не будет на планете... Сами понимаете, я военный – могу покинуть Землю в любой момент, – я могу дать их по месту прохождения службы.

Елена кивнула и снова перескочила на другую тему.

– А вы истребитель? – поинтересовалась она, чуть наклонившись к собеседнику.

– Только закончил училище. Ещё не служил, – выдал Белецкий собеседнице полуправду. Ну не говорить же и так напуганной девушке, что её спаситель только что из штрафников. – Но учился по специальности «пилот истребителя». Тут вы угадали, – улыбнувшись, добавил он, глядя на чуть разочарованное выражение лица собеседницы. Наверное, уже себе навоображала, что её спас мужественный ас – герой Империи.

Тут же последовал новый вопрос:

– А вертолётom вы тоже управлять умеете?

– Умею, – улыбнулся Егор. – Но на ручное управление разрешается переходить только в экстренных ситуациях. Иначе будет большой нагоняй.

Вопрос спутницы возбудил у Белецкого профессиональный интерес. Управлять-то вертолётom ему доводилось, но именно данной конкретной моделью – нет.

Установив соединение с машиной, он послал запрос на авторизацию вместе с личной цифровой подписью.

И тут же получил допуск к системе управления. Однако «рулить» не стал. Только что сказанное им было чистой правдой: перехватывать управление гражданскими аппаратами без особого повода военным пилотам было строго воспрещено – под страхом сурового наказания. «Особого повода» пока не наблюдалось, так что... Егор ограничился только наблюдением за работой системы управления как бы изнутри.

Одновременно продолжая общаться с девушкой, снова сменившей тему разговора:

– Ой! У вас мундир порвался!

Белецкий отвлекся от контроля полёта и глянул на свой мундир. Действительно, левый рукав надорвался. В дополнение к этому парадка оказалась помята и местами украшена грязными пятнами. «Ну вот! Не уберёг!» – огорчённо подумал молодой человек, а вслух небрежно бросил:

– Я уже заказал новый. Переоденусь после посадки.

В этот момент машину сильно тряхнуло, после чего она подскочила вверх.

– Ой! Что это? – вцепившись руками в подлокотники, испуганно спросила девушка.

– Ничего страшного. Воздушная яма. Бывает, – как можно небрежнее отозвался Егор, одновременно вновь усилив внимание к процессам, происходящим в системе управления вертолётom. Быстрый анализ происходящего показал, что за время, пока Белецкий отвлёкся, искин аэротакси получил по Сети командный файл с изменениями настроек системы. И, естественно, запустил его на исполнение.

Разобравшись в сути изменений, Егор похолодел: новые коэффициенты коррекции в формулах расчёта высоты, скорости и координат местоположения отличались от старых незначительно, но в результате конечная точка маршрута несколько смещалась относительно истинных координат посадочной площадки, из-за чего летательный аппарат должен был на высоте пятнадцать метров и со скоростью около двухсот километров в час войти в стену жилого дома.

Похоже, одновременно с изменениями коэффициентов коррекции в системе поселилось несколько троянов. Функции их были неясны, но вряд ли они тут появились, чтобы сделать что-то хорошее.

«Накаркал. Вот он, особый случай», – подумал Белецкий и отдал системе команду перейти на ручное управление.

Тут же пришёл обескураживающий ответ:

«В доступе к управлению отказано».

Егор опешил. Такого он не ожидал. Нет, в принципе, режим допуска, когда «посмотреть можно, а порулить нельзя», существовал. Но применялся для техников (им «рулить» не положено) и курсантов лётных училищ на начальном этапе обучения. Однако Белецкий не входил ни в ту, ни в другую категорию, к тому же пиктограмма полного доступа, высветившаяся при первоначальном обращении к системе, никуда не делась.

Уж скорее можно было предполагать, что система просто обрубит соединение. Но нет. Он оставался в системе, но мог только наблюдать.

Вторая попытка перехватить управление закончилась с тем же результатом. Искин борта упорно не желал передавать свои полномочия пассажиру.

В принципе, оставалась ещё ручная система аварийной посадки.

Егор не стал медлить. Пока полёт всё ещё проходил над рекой, но скоро машина должна повернуть, и оставшиеся пять минут полёта пройти над жилыми кварталами. Там аварийная посадка могла оказаться чреватой неприятностями не только для пассажиров летательного аппарата, но и для находящихся внизу людей.

Так что молодой человек пошёл на хитрость. Вытянув шею, сделал вид, что разглядывает что-то справа, и когда его спутница инстинктивно повернулась, чтобы взглянуть, что

же там такого интересного, вдавил до упора кнопку аварийной эвакуации. И... Ничего не произошло. Вместо того чтобы отстрелить блистер, винт, и выпустить парашют, машина продолжала лететь дальше как ни в чём не бывало.

Егор похвалил себя за предусмотрительность. Если бы он не отвлёк внимание девушки и нажал кнопку у неё на глазах, то сейчас получил бы кучу расспросов с весьма вероятной истерикой после объяснения ситуации. А так – если бы аварийная система сработала, вопросы были бы уже после приземления, то есть после приводнения. Не сработала – и девушка ничего не заметила.

На вопрос Елены, что он там увидел, Егор отделался неопределённым «показалось». Спутница продолжала что-то спрашивать, он ей что-то отвечал, но большая часть сознания в авральном режиме искала выход из сложившейся ситуации. Параллельно раз за разом запрашивался допуск к управлению, с перебором всех известных паролей. Не то чтобы Белецкий верил в успех такого метода, но это всё же было лучше, чем ничего не делать. Однако искин такси оставался равнодушен и к военному личному номеру Егора, и к номеру карточки социального страхования, и даже к пин-коду банковского счёта.

Мелькнула мысль разбить блистер шпагой и выбросить девушку в воду, а потом последовать за ней. Но шансы упасть, ничего не повредив, с такой высоты и на такой скорости, даже в воду, были невелики. К тому же он не знал,

умеет ли его спутница плавать. Не спрашивать же её сейчас об этом.

Машина заложила вираж и ушла в сторону от реки. Теперь внизу мелькали дома. Прыгать было поздно. Тревожного сигнала на частоте полиции и аварийных служб, который должен был передаваться при нажатии на аварийную кнопку, естественно, не было. Да даже если бы и был, то никто бы его не услышал: в машине заработала полицейская «глушилка», которая обычно включалась по внешней команде.

«Ведь можно же было догадаться и поехать на чём-нибудь другом. На том же метро, – с досадой на самого себя подумал Белецкий. – Не стали бы ведь из-за нас подрывать целый поезд. Или стали бы?»

Таймер отсчитывал последние минуты полёта, Егор продолжал поддерживать светскую беседу с девушкой, искать выход из безнадёжной ситуации и перебирать пароли.

Похоже, что ни в одном из этих дел он не преуспел. Выход находиться не хотел. Рассеянные ответы на её вопросы, похоже, убедили девушку в том, что спутник не хочет с ней общаться, и она обиженно надула губки. Пароли один за другим отвергались бортовым искином.

Пошла последняя минута. Пятьдесят две секунды... Сорок семь... Егор покосился на девушку. «Сказать?.. Нет, пусть не знает. Блин, вот так лгут доктора безнадёжно больным!» Сорок две секунды... Тридцать пять...

«Доступ к управлению разрешён».

Искин принял код, присвоенный Белецкому, когда тот по прибытии на Землю поселился в подземельях СИБ.

Не теряя ни секунды, Егор мгновенно перехватил управление, погасил скорость, скорректировал курс и плюхнул машину точно на посадочную площадку. Для плавной посадки уже не оставалось времени.

Амортизаторы не смогли полностью скомпенсировать силу инерции, потому машина приложилась довольно чувствительно. Елена подозрительно посмотрела на молодого пилота:

– Вот признайтесь честно – сажали на ручном управлении? На автомате посадка гораздо мягче.

– Да вот, решил всё же попробовать, – вымученно улыбнулся Егор, вытирая выступившие на лбу капельки холодного пота и одновременно отдавая искину команду на открытие блистера.

Прозрачный колпак плавно пошёл вверх. Девушка легко соскочила на землю и рассмеялась:

– Надеюсь, что с истребителем вы управляетесь лучше, чем с такси. Но всё равно – спасибо, что довезли. – Елена сделала паузу и уже тише и серьёзнее добавила: – И спасибо... за всё.

– Не за что, – сухо ответил Белецкий, в свою очередь тяжело ступая на плиты посадочной площадки. Надо бы было, конечно, выдать что-нибудь более соответствующее моменту, но молодой человек ещё не отошёл от уже второго за се-

годняшний день стресса.

Девушка огорчённо вздохнула и передумала делать шаг навстречу своему спасителю, как, очевидно, только что собиралась.

– Тогда до свидания. Я дома, а вам, наверное, пора...

Егор глянул на часы. Действительно, было пора.

– До свидания, сударыня. Приятно было познакомиться. Честь имею! – кивнув даме, Белецкий поспешил к находящемуся в двух кварталах магазину готовой одежды, куда к этому моменту должны уже были доставить заказанную им новую парадку.

Девушка, поглядев немного вслед удаляющемуся молодому офицеру, медленно развернулась и побрела к подъезду расположенного рядом с посадочной площадкой дома.

Егор отдал искину такси приказ заглушить все системы, как только покинул аппарат. Но тот, зараза, перед отключением успел выдать счёт за перевозку. Сумма, между прочим, была не такой уж и маленькой. Вот почему не очень богатый лейтенант предпочитал воздушному такси наземное, а ещё лучше – метро. В сочетании с покупкой нового мундира сегодняшнее приключение влетело Белецкому в копеечку, а ещё предстояло разбирательство... Не понаслышке будучи знакомым с дознавателями как военной полиции, так и СИБ, молодой человек вполне отчётливо представлял себе, что его ожидает.

Хоть никого не убил – значит, снова в штрафники не пошлют. Может быть...

Глушилка в такси отключилась вместе с искином, так что Егор тут же связался с бароном, доложил об очередном происшествии, сопроводив отчёт видеозаписью, и предложил, исходя из такого развития событий, перенести встречу с вдовой Шелехова на следующий раз.

Однако фон Стиглиц с этим предложением не согласился.
– Нет. Идём сегодня. Время, чтобы добраться в срок, у тебя есть.

Время действительно было, даже с учётом переодевания в новый мундир, так что через двадцать минут Белецкий уже выходил из метро недалеко от назначенного места встречи. Метро, кстати, действительно оказалось гораздо безопаснее воздушного такси. По крайней мере, поезд пришёл точно по расписанию и без всяких эксцессов.

– Потом, Егор Николаевич, все объяснения – потом, – после обмена приветствиями барон не дал своему бывшему подчинённому раскрыть рта. – После встречи вернёмся на Базу и там поговорим.

Потом так потом, начальству виднее. Хотя и бывшему. Егор не стал настаивать и отправился вслед за широко шагающим по тротуару бароном. Глядя на этого энергичного, пышущего здоровьем человека, трудно было предположить, что совсем недавно он стоял одной ногой в могиле.

Идти оказалось недалеко. Дом, куда они направлялись,

был расположен метрах в двухстах от метро. Войдя в подъезд, фон Стиглиц с Белецким на лифте поднялись на пятый этаж.

– Квартира тридцать четыре. Звони, – кивнул барон на одну из дверей.

Егор кивнул и, оправив китель, послал запрос искину квартиры.

Почти сразу двери распахнулись.

На пороге стояла девушка в лёгком платье. Девушка, которую Белецкий не спутал бы ни с кем никогда в жизни. Именно её голографическое изображение носил у сердца Шелехов.

Но она же... умерла. Или нет? Шелехов соврал? Нет, он не стал бы. Не такой человек, чтобы этим... Может, это тоже голограмма? В принципе, это мог бы быть искин квартиры, но придавать оптической аватаре домашнего искина – фактически слуги, хоть и бездушного, образ любимой? В голове молодого человека, и так уже получившего за сегодня изрядное количество впечатлений, предположения мелькали со страшной скоростью. Ошарашенный увиденным, он даже не догадался поинтересоваться реальностью видения у своего комма. Тот уж точно бы отличил изображение от реального человека. Ещё можно было просто протянуть руку, но это было чревато. А вдруг девушка настоящая? Так и пощёчину схлопотать недолго.

Очевидно, как обычно, все мысли Белецкого отразились на его лице, так как девушка тяжело вздохнула и с видом «до чего же вы мне все надоели» монотонно проговорила чуть ли не по слогам:

– Нет, я – не она. Я – её клон.

Это был добивающий удар. Егор беспомощно оглянулся на барона. Во взгляде его читалось: «Как же так?! Ведь клонирование запрещено!»

Фон Стиглиц чуть заметно улыбнулся и подтолкнул бывшего подчинённого к двери.

«Да входи же, не стой столбом! Потом всё объясню», – передал барон, а вслух представился:

– Барон фон Стиглиц.

Так как Егор всё ещё пребывал в ступоре, барону пришлось дёрнуть его за рукав. Только после этого тот, спохватившись, запинаясь, выдал:

– Ег-гор Б-белецкий.

– Анастасия, – губы девушки тронула лёгкая улыбка.

– Мы сослуживцы вашего отца. Пришли проведать Зинаиду Ильиничну. Нам назначено, – продолжил барон.

– Да, я знаю. Входите, пожалуйста, – девушка отступила вглубь коридора, и офицеры один за другим переступили через порог. Причём Белецкий сдвинулся с места только после того, как получил лёгкий толчок в спину от старшего товарища.

– Прошу за мной, – Анастасия развернулась и двинулась

вглубь квартиры.

Тут уж Егор не медлил, но теперь барон, вместо того чтобы подталкивать, придержал его за рукав.

– Будет удобный момент, передашь ей это. Желательно без свидетелей, – с этими словами, сказанными вполголоса, фон Стиглиц передал Белецкому небольшой пакет. – Пока спрячь в карман.

«Можно же было всё по-человечески рассказать и объяснить? Секретность – словно на боевом задании! Или это барона служба так испортила?» – немного раздражённо подумал Белецкий и, опустив пакет в карман, поспешил за провожатой.

Квартира оказалась немаленькой. Нет, далеко идти не пришлось – гостиная, естественно, оказалась недалеко от входа. Но сквозь распахнутые двери в конце коридора была видна анфилада комнат, тянувшаяся как минимум на пол-этажа. Видеоэффекты были выключены, и квартира – пол, стены, потолок – выглядела такой, как она есть, а не как обычно – имитацией различных пейзажей по вкусу хозяев квартиры.

В гостиной гостей встретила женщина, которую Егор уже видел на кладбище в день похорон Шелехова. Офицеры представились. Хозяйка квартиры как-то рассеянно улыбнулась и пригласила гостей присесть в тут же выросшие из пола уютные кресла. Как только все расселись, между креслами вырос стол, который тут же принялась сервировать пара «домовых» – универсальных домашних роботов.

Как отметил про себя Егор, это были не антропоморфные механизмы, которые предпочитало большинство штатских, а арахноиды – по сути, гражданская модификация боевых «Тарантулов». Двигались роботы весьма шустро, и стол был накрыт буквально за полминуты, после чего «паучки» удалились так же быстро и бесшумно, как и появились.

Барон молча взял стоявшую посреди стола бутылку водки и наполнил рюмки.

Выпили так же молча. Мужчины – до дна, женщины – чуть пригубили. Помолчали. Хозяйка бросила грустный взгляд на одиноко стоящую рюмку, накрытую кусочком хлеба, и одарила гостей тем особенным взглядом, который бывает у людей, потерявших самого близкого человека и уже от этой жизни ничего не ожидающих, а главное – ничего и не желающих.

Егор был ещё слишком неопытен, чтобы различать такие нюансы, а барон... Барон всё понял, как-то сгорбился и глухим голосом начал говорить:

– Я был командиром подразделения, в котором Павел Евгеньевич принял последний бой. Если бы не он... Я минимум дважды обязан ему жизнью. Да и не только я. Все мы обязаны. Обидно, что такие люди уходят... Но – война...

Барон говорил что-то ещё, и видно было, что говорил искренне, но молодой человек уже не слушал. Слова, даже самые искренние, самые правильные, были не способны ни вернуть к жизни ушедшего, ни облегчить боль потери жи-

ВЫМ.

Белецкому показалось, что вдова прапорщика тоже в мыслях где-то далеко, вспоминает о чём-то, о чём может вспомнить только она.

«Странно устроен мир, – подумал он. – Человек ушёл из жизни. Мы помним его одним, его близкие – другим, и, может быть, даже – совсем другим... Как будто мы знали двух совсем разных людей. А когда мы умрём, с нами умрёт и даже такая вот неполная память. Останутся только архивные документы, видеозаписи, наши обрывочные воспоминания. А потом, через много лет... Может статься, что такого замечательного человека забудут полностью. Как будто и не было его».

Занятый философскими рассуждениями о бренности сущего, Белецкий не сразу заметил, как обстановка за столом изменилась.

К реальности его вернуло ощущение, что «что-то не так». Секунды через три он понял, что именно. Оказывается, барон закончил говорить, и теперь все ожидающе глядели на Егора.

Судя по всему, теперь настала его очередь говорить.

Егор смутился. Чувств и мыслей было много, но вот как их выразить...

– Я... – попытался облечь свои мысли в фразы молодой человек. – Я недолго был знаком... Но... Он меня многому научил... Благодаря ему... В общем, хороший был человек.

Очень жаль, что его не стало. Извините, у меня не получается сказать правильно и красиво...

Белецкий смутился ещё больше и умолк.

– Зато искренне, – ободряюще улыбнулась Анастасия.

Барон решил поддержать своего спутника.

– Да. Воюет этот молодой человек куда как лучше, чем говорит. Ну ничего, и говорить со временем научится.

– Мне кажется, настало время пить чай с тортом. Нет-нет, не отказывайтесь. Настя сама его испекла. Старалась... У неё замечательно получаются торты, – увидев смущение гостя, чьё лицо к этому времени стало ярко-бордовым, хозяйка решила перевести тему на другое. – Настенька, ты принесёшь торт.

– Да, сейчас! – Анастасия вспорхнула со своего кресла и поспешила к дверям.

«Давай за ней, оратор!» – передал барон, чуть скосив глаза в сторону удаляющейся девушки.

– Я помогу! – подхватился Егор.

– Да, будьте так любезны, – благосклонно кивнула хозяйка.

На кухне Анастасия указала молодому человеку на поднос с чайным сервизом.

– Это – ваше. А я понесу тортик.

«Ничего себе тортик, – подумал Егор, глядя на это произведение кулинарного искусства. – Им взвод накормить можно, а не то что четырёх человек». Вообще Белецкий считал,

что готовить самостоятельно, в то время, когда всё это можно заказать в магазине, либо, в крайнем случае, поручить приготовить автомату – это никому не нужное излишество. Но по опыту знал, что многие женщины с таким мнением в корне не согласны, потому вслух своих мыслей не высказывал и относился к «женским странностям» снисходительно.

– Анастасия... Павловна, – остановил Егор девушку, уже собравшуюся взять свой поднос. – Я должен вам передать... Вот это, – с этими словами он вытянул из кармана переданный бароном пакет и протянул его девушке.

– Что это? – Анастасия повертела пакет в руках. Разорвала. Внутри оказалась знакомая молодому человеку пластинка голограммы. Девушка коснулась сенсора на боку пластинки, и перед ней появился, как показалось молодому человеку, её собственный портрет.

– Последнее его желание перед смертью... было – увидеть, – тихо сказал Егор.

– Мама... – так же тихо то ли вздохнула, то ли всхлипнула девушка. В её больших глазах засветились боль и нежность. – Я – её часть... Продолжение... Папа так хотел, чтобы она хоть как-то продолжала жить. Может, он втайне надеялся, что она возродится во мне... Не знаю, чего ему стоило получить разрешение на клонирование. Но я – не она... Я называю её мамой. У меня две мамы, – грустно улыбнулась девушка. – Ту, которую дала мне жизнь, я совсем не знаю. Наверное, она была замечательной женщиной, раз её так по-

любил отец, но... Иногда мне кажется, что он зря всё это затеял. Моя мама... Вторая, которая меня вырастила. Иногда мне кажется, что она ревновала отца... К ней... И, может быть, немножко – ко мне. Может, не стоило ему пытаться воскресить любимую...

– Стоило, – Егор кончиками пальцев коснулся руки Анастасии. – Я думаю, он бы всю жизнь себя корил, что не попытался. А так... В результате на свет появилась такая замечательная девушка.

Анастасия одарила молодого офицера благодарным взглядом.

– Давайте всё же отнесём торт, нас уже, наверное, ждали.

– Да, конечно! – Егор схватил свой поднос и поспешил в гостиную.

Остаток встречи он запомнил урывками. Беседовали в основном барон с хозяйкой, а молодой человек и девушка больше молчали, думая о своём и иногда украдкой бросая друг на друга быстрые взгляды.

Визит был не очень долгим – через пару часов офицеры уже выходили из подъезда. Солнце висело ещё довольно высоко. Егор заметил, что улица была практически пустой, несмотря на выходной день, на что тут же не преминул обратить внимание своего спутника.

– А что тут удивительного? – пожал плечами тот. На цен-

тральном стадионе матч на кубок мира по футболу, а в Императорском Оперном концерт этой новой мегасуперзвезды – Биласкова. Мужчины на футболе, женщины – на концерте. Так что здесь мы в полном одиночестве, да ещё вон полиция бдит, – фон Стиглиц кивнул на вывернувшую из-за угла полицейскую машину.

Действительно, кроме двух офицеров, этой машины да медленно подползающих с двух сторон по тротуару роботов-уборщиков вокруг не было ни души.

– Кстати, ты видел, как она на тебя смотрела при прощании? – подмигнул молодому человеку барон.

– Кто «она»?

– Да не Зинаида Ильинична же! Настя, конечно.

– Обычно смотрела, – буркнул Егор. – И давайте не будем...

– Ну, не будем так не будем, – легко согласился фон Стиглиц.

Рядом раздался визг тормозов. Егор оглянулся. Из резко остановившейся спецмашины выскочили два полицейских. Один из них остался на месте, а второй с нашивками сержанта почти бегом направился к двум офицерам.

Не доходя до них на три шага, он остановился и произнёс: – Господин Белецкий, вы арестованы! Вашу шпагу!

Одновременно на комм Егора пришёл ордер на арест.

«Ну вот, опять!» – огорчился молодой человек и потянулся к шпаге. Сопrotивляться полицейскому с ордером на ру-

ках – себе дороже.

Однако, похоже, барон так не думал. Белецкий получил его приказ: «Боевой режим. Действовать по команде!»

«Толку с этого режима... без скафа – только ускорение», – подумал ещё более ошарашенный Егор, но приказ выполнил.

Между тем барон обратился к сержанту:

– Майор фон Стиглиц, Служба Имперской Безопасности. Должен вам сообщить, что ордер на арест этого человека должен быть завизирован в канцелярии СИБ. Ордер завизирован?

Егор быстренько пробежался взглядом по полученному документу – визы Имперской Безопасности на нём не было. И неудивительно – она полагалась лишь для сотрудников СИБ и лиц из «особого списка». Насколько молодому пилоту было известно, он не был ни тем, ни другим.

Значит, арест отменялся. Точнее, откладывался до получения визы. Это где-то секунд на тридцать – пока отправят запрос, пока рассмотрят, пока вернут ордер с визой... Или без? Хотя бы! Очень не хотелось снова в штрафники. Хотя... Арестовывать пришла не военная полиция. Значит, суд будет гражданским, и наказание иным... Наказание за что?

От размышлений Егора оторвала команда «Ложись!», сопровождаемая сильным толчком в бок.

Белецкий моментально растянулся на тротуаре.

Последующие события он смог заметить только благодаря тому, что перешёл в боевой режим. Скорость восприятия,

кстати, заметно превышала скорость физической реакции, и все события фиксировались как при замедленном воспроизведении.

Вот барон тянется к своей шпаге, а оба полицейских – к шокерам на поясе. Шокер! Егор вспомнил, что у него тоже есть такая игрушка, и, уже лёжа на мостовой, попытался её достать. Чёрт! Никто из людей не успевал! Над крышей полицейской машины начала выдвигаться турель с коротким тупым стержнем станкового парализатора. Автомат всегда быстрее человека. Быстрее автомата может быть только другой автомат...

Дзанг! Парализатор разлетелся вдребезги. Один из осколков выбил искры из мостовой у самого лица Егора.

Это ещё что? Обернувшись, Белецкий увидел, что в бой вступили «роботы-уборщики», точнее, замаскированные под них боевые боты. В режиме маскировки машины выглядели абсолютно одинаково. А вот в боевом...

Тот бот, что подходил слева, не успел даже закончить трансформацию, как получил очередь прямо в корпус из рейлгана второго «уборщика», молниеносно развернувшегося от полицейской машины. Защитное силовое поле пару раз мигнуло и отключилось. Короткая вспышка, и на поле боя одним действующим лицом стало меньше.

Нет, тремя. Оба полицейских начали плавно заваливаться на землю. Очевидно, второй бот успел уделить время не только своему противнику-автомату и турели на полицей-

ской машине, но и живым людям.

Вслед за полицейскими начал падать и барон. Однако было видно, что он, в отличие от оседавших, словно обмякшие тюфяки, представителей закона, стремится слиться с матушкой-землёй вполне осознанно.

Кстати, вовремя. Встроенный тактик комма нарисовал в том месте, где доли секунды назад находилась голова фон Стиглица, пунктиры трасс пуль ручного рейлгана.

«Перекат влево!» – Белецкий выполнил команду на инстинктах, и на том месте, где он только что лежал, взметнулись фонтанчики каменной крошки. Часть камешков всё же попала в цель, для которой предназначались пули. «Больно, блин!» – мысленно заорал Белецкий.

«Но зато не смертельно», – утешил он себя, увидев здоровенные выбоины в бетоне на месте, где только что находился.

Впереди, чуть ли не перед носом, вспыхнула плёнка защитного поля. «Ого! Это ещё откуда?» Белецкий чуть повернул голову. Ага! Защитный кокон выставил подобранный почти вплотную к месту действия второй «робот-уборщик». Теперь пули рейлганов были не страшны.

Между тем стали видны и сами стрелки. Две фигуры в броне средней защиты, прикрывая друг друга, короткими перебежками приближались от подъезда соседнего дома. Им наперерез выскочила тройка непонятно откуда взявшихся «Тарантулов», тоже вооружённых рейлганами. Завязалась перестрелка. Стрелкам пока стало не до Егора с бароном.

Почти над головой застучала звонкая дробь выстрелов. Куда-то лупил «уборщик». Но не в сторону стрелков. На сцене появилось новое действующее лицо? Егор повернул голову.

«Мать моя женщина!»

Действующее лицо оказалось старым. Всё та же полицейская машина. Однако теперь она была окутана таким же силовым коконом, как и тот, что окружал двух лежащих на мостовой офицеров. Непрерывно сыплющиеся из рейлгана «уборщика» пули не достигали машины, турель которой к этому времени выдвинулась уже полностью. Оказалось, что кроме обломков парализатора, на турели имеется ещё и вполне работоспособная кинетическая пушка. Наведенная почему-то не на атакующего «уборщика», а на мирно лежащего Егора.

Шарах! Вспышка защитного поля была неслабой. «Я что, ещё жив? – удивился Белецкий. – Похоже, что так...» Поле защищавшего их бота оказалось непропорционально мощным для его небольших размеров. Ему бы ещё оружие помощнее...

Сверкнуло ещё раз. Поле снова выдержало.

Защита не пропустила смертельный металл и в третий раз. И только потом сдохла.

«Ну, вот и всё», – подумал молодой офицер. Уйти от автомата даже на сверхскорости – нереальная задача.

Внезапно послышался глухой звук тяжёлого удара, и зем-

ля под Белецким вздрогнула. Одновременно с этим полицейская машина сплющилась, словно консервная банка под прессом.

«Грави-импульс второго класса», – отрёшённо констатировал Егор, вертя головой в поисках источника этого самого импульса.

Похоже, в этом бою людям досталась роль наблюдателей. Как-нибудь повлиять на исход схватки было явно не в их силах.

Так вовремя расплющивший полицейскую машину аппарат обнаружился быстро. Это был заходящий на посадку десантный модуль с эмблемой Имперской Безопасности на днище. Прикрывали его три боевых вертодзета с теми же опознавательными знаками.

Модуль плюхнулся в десяти метрах от вмятой в асфальт машины и тут же врубил защитное поле на максимум. Рампа откинулась ещё в воздухе, и вся десантная группа к моменту посадки модуля уже не просто находилась на земле, но и успела занять позиции.

Послышалась команда барона:

– Быстро в модуль!

Вот этого Егору дважды повторять было не надо: он пулей метнулся к открытой рампе, под защиту брони. Фон Стиглиц последовал за ним секундой позже.

Приняв двух пассажиров, пилот модуля врубил форсаж. Последнее, что Белецкий успел увидеть сквозь проём закры-

вающегося десантного люка, были спешащие со всех сторон к месту происшествия полицейские машины. Они выскакивали на бешеной скорости чуть ли не из-за каждого угла.

И резко тормозили, оказываясь под прицелом оцепивших периметр тяжёлых штурмовых ботов СИБ.

В модуле у Егора наконец появилось время на оценку произошедшего. Для глобального анализа, конечно, данных не было, но вот некоторые локальные выводы...

– А что с Пантелеем?! – встревоженно вскинулся молодой пилот, насколько позволяло силовое поле безопасности, прижимавшее его к креслу.

– А что с ним станется? – небрежно взмахнул рукой фон Стиглиц. – Сидит на базе, скучает. Меня сейчас гораздо больше волнуешь ты. А ну-ка, сядь спокойно. Пусть медицина тебя посмотрит.

Легко сказать «спокойно»... Белецкий откинулся на спинку кресла, позволяя встроенной системе диагностики модуля заняться сбором информации о состоянии его здоровья.

– Может, мне кто-нибудь объяснит, наконец, что, чёрт возьми, происходит?!

– Объяснит, объяснит, – успокаивающе проговорил барон. – Вот прибудем на базу, и будет тебе «вечер вопросов и ответов». А пока отдохни малость.

Послышалось шипение иньектора. Медблок модуля принялся за работу. Егор прислушался к своим ощущениям.

Ощущения были приятные. Во-первых, пришла необычайная ясность мышления. Во-вторых, нахлынула волна умиротворения. Мышцы расслабились, появилось ощущение лёгкости.

Такие перемены радовали. Значит, опасность миновала. В противном случае впрыснули бы «боевой коктейль», вызывающий совсем другие ощущения.

И действительно, модуль благополучно добрался до места назначения. Потом ещё полчаса петляния по подземным тоннелям, и – вот он, дом родной! В смысле, вот она – так надоевшая за последнее время секретная база Имперской Безопасности. После сегодняшнего она действительно воспринималась почти как родной дом. Особенно родная камера, то есть, тьфу ты, комната. Спокойно, защищенно...

– А не пора ли нам подкрепиться? – поинтересовался барон почти сразу после того, как вошёл в комнату Белецкого вместе с её хозяином и удобно разместился в одном из кресел.

– По-моему, пора, – ответил он сам себе, даже не поинтересовавшись – а может, у этого самого хозяина другое мнение?

– Да я не голоден! – начал отнекиваться Егор. – И у Зинаиды Ильиничны мы ели...

– Ну да, ели... Видел я, как ты ел. Больше глазами стрелял. Так как тебе Настя всё-таки? Я серьёзно спрашиваю, –

барон действительно посерьёзней.

Егор задумался, пытаясь разобраться в своих чувствах.

– Знаете, мне её скорее жалко, – задумчиво произнёс он после полуминутной паузы. – Она и отца потеряла, и... Я не знаю, как сказать. Она чувствует себя вроде бы и собой, и частью другого человека... Нет, все мы – продолжение родителей, но она... Она – полная копия. И, мне кажется, Павел Евгеньевич видел в ней больше свою Надю, чем... Ну, в общем, вы поняли.

– Да. Кажется, понял, – задумчиво потёр подбородок барон.

– А она – единственный ребёнок в семье? А то как-то спросить было неудобно.

– Нет. У Зинаиды Ильиничны есть ещё двое – от первого брака... Просто они живут со своими семьями отдельно. А почему ты спрашиваешь?

– Ну, подумал, остались две женщины, одни. Тяжело.

– Конечно, нелегко. Даже если принять во внимание, что из старших детей – один мужского пола. Он, кстати, сам уже скоро станет дедушкой.

– С мужчиной в семье всё же легче, – возразил Егор. – Хотя какое там! Мне даже смотреть-то на них было тяжело! А им – жить со всем этим.

– Привыкай. Ты – боевой офицер. И, скорее всего, тебе ещё не раз придётся приходиться к вдовам и матерям своих друзей.

– Мрачные перспективы, – мотнул головой Егор.

– Но никуда от них не деться. Такова жизнь... А что скажешь о Леночке Корниловой? – резко сменил тему фон Стиглиц.

– А что это вы меня то о той, то о другой спрашиваете? – подозрительно уставился на собеседника Белецкий. – Уж не сосватать ли решили?

– Боже упаси! – рассмеялся барон. – С твоим умением притягивать неприятности – подложить девушке свинью в виде такого мужа, как ты? Нет, это было бы слишком жестоко. Хотя с другой стороны... Ты всегда умудряешься выпутаться. Пока.

– «Пока...» Вы так оптимистичны, – криво усмехнулся Егор.

– Скорее, реалистичен, – пожал плечами его собеседник. – Согласно теории вероятности, чем больше пуль летит в твою сторону, тем больше шансов, что одна из них попадёт в цель. Так что советую быть осторожней. Так что скажешь про Елену Прекрасную?

– Так уж и прекрасную, – хмыкнул молодой человек. – Девушка как девушка. Симпатичная... Болтливая очень. И самоуверенная.

– Ну, вот тут ты не угадал, – рассмеялся барон. – Может, это стресс на неё так подействовал, когда ты с ней общался. Вообще она скромница. Да! Так мы будем сегодня ужинать?

– Я так понял, что выбора у меня нет, – развёл руками

Егор.

– Почему? А выбор меню? – хитро прищурился барон.

– Да как-то мне всё равно...

– Хорошо. Тогда... Для тебя – стандартное меню номер шесть. Насколько я знаю, наиболее соответствует твоим вкусам, и по количеству калорий подходит.

Почти сразу после этих слов входная дверь отъехала в сторону, и на пороге появился «Тарантул» с двумя подносами, от которых по комнате распространялись вкусные ароматы. Трансформировав подносы в столики, арахноид поставил их перед людьми и бесшумно удалился.

Учитывая известное Белецкому расстояние от его комнаты до столовой, а также время, необходимое на выполнение и доставку заказа, молодой человек сделал вывод, что барон предугадал его ответ относительно выбора меню и заранее заказал ужин на своё усмотрение.

Тяжело вздохнув, Егор взялся за ложку. И, увлечшись, не заметил, как уничтожил первое блюдо меньше чем за минуту. Второе тоже продержалось недолго. Как и компот. Уничтожив ужин, Егор с видимым удовольствием откинулся на спинку кресла.

– Ну вот. А говорил – нет аппетита, – улыбнулся барон. – Кстати, я обещал рассказать тебе, что происходит. Если ты готов, то начнём, пожалуй. Но сначала – разбор полётов.

Егор внутренне подобрался. То, что разбора полётов не избежать, он понял ещё в парке. Это, так сказать, обязатель-

ная прелюдия перед остальными, куда как более серьезными неприятностями. Каковые, по мнению молодого человека, непременно должны были воспоследовать за сегодняшними событиями, в которых ему довелось поучаствовать.

– Итак, – собеседник Белецкого посерьёзней. – Дано: законопослушный подданный Империи во время прогулки в парке обнаруживает группу лиц, которые, по его мнению, совершают противоправные действия. Вопрос: что этот законопослушный подданный должен сделать в первую очередь?

– Так связь была заглушена, – буркнул Егор, потупив взгляд.

– Я разве что-то спрашивал про связь? – поднял одну бровь фон Стиглиц. – Повторяю вопрос: что должен сделать законопослушный подданный при обнаружении противозаконных действий? – в голосе барона зазвенел металл. «И не скажешь, что только что добродушно улыбался», – промелькнуло в голове отчитываемого.

– Сообщить в полицию, – выдохнул Белецкий, приняв на всякий случай позу сокрушённого раскаяния. В училище при разносах иногда помогало...

– Вот! – поднял палец барон. – И?

– Так я же говорил – связи не было...

– Это не оправдание. Не было сделано даже попытки связаться с полицией. Это раз. У вас рядом был Пантелей, и вы вполне могли его отправить для связи со мной сразу, а не «после драки» – это два, – фон Стиглиц замолчал, сверля

взглядом Белецкого.

– Не подумал, – ещё раз вздохнул тот, уставившись в дальний угол. «Барон перешёл на „вы”. Плохо. Значит, беседа носит официальный характер».

– Ну что это за детский сад?! – повысил голос барон. – «Связи не было», «не подумал»... Скажите лучше, что первым делом подумали про так называемую дворянскую честь! И не надо на меня так смотреть! Да, я сам дворянин, и эти слова для меня не пустой звук. Но! Вы увидели группу людей, совершающих что-то, весьма похожее на похищение человека. При этом, как вы сами только что сказали, была заглушена радиосвязь. Вы знали, что аппаратура РЭБ не продётся в частные руки. Какой вывод из этого следует?

– Я не сразу узнал, что связь заглушена, – попытался оправдаться Белецкий.

– Это потому, что вы не сразу попытались ею воспользоваться, – парировал барон. – Вы даже не удосужились взглянуть на пиктограмму наличия связи. Так были заняты вопросами дворянской чести. Так какой вывод, я вас спрашиваю?!

– Действовали спецслужбы, – эта версия пришла в голову Егору ещё в парке. Только, к сожалению, не до боя, а уже после него.

– Это один из вариантов. А второй? – продолжал наседать на лейтенанта барон.

Егор уставился на собеседника непонимающим взглядом.

– Кто ещё может применять «глушилку»? – поинтересо-

вался фон Стиглиц у Белецкого. На лице у него при этом явно читалось: «Господи, ну с каким же болваном я разговариваю!» – Так. Вижу, что поставил вас в тупик. Ладно. А вот скажите: о разведывательно-диверсионной группе противника вы не подумали?

– На поверхности? Да ещё и в столице? – Егор отнёсся к данному предположению крайне скептически.

Теперь настала очередь барона тяжело вздохнуть.

– А что, вы считаете, что диверсантов Союза поверхность, а в особенности столица, не интересуют? Чему вас вообще учили в школе и в училище?

Егор с трудом удержался от того, чтобы почесать в затылке. Конечно, о бдительности талдычили почти каждый день и в школе, и в училище, но, похоже, частыми напоминаниями добились результата, обратного желаемому. Встреча с разведчиком или диверсантом противника на поверхности Земли серьёзно воспринималась, пожалуй, только сценаристами фильмов о доблестных контрразведчиках, мужественно ловащих этих самых врагов. Белецкий недоверчиво посмотрел на собеседника: неужели он и вправду серьёзно верит в диверсантов? Или просто так сказал, чтобы провинившийся «проникся»?

– Так вот представьте себе: вы не сообщили своевременно об обнаружении диверсантов, и они получили возможность исполнить свои планы...

– Но я ж их это... обезвредил, – возразил молодой чело-

век, представив, как он упускает диверсантов, и те взрывают императорскую резиденцию.

– Вот это как раз и есть следующий пункт нашей программы, – усмехнулся барон. – Итак, вы бросаетесь на группу людей, которая с равным успехом может оказаться как спецгруппой противника, так и нашей спецгруппой.

– Ну, «полог тишины» – его разрешено применять гражданским. Полицейский шокер – это всё-таки говорит в пользу нашей, а точнее, полицейской группы. Кстати, непонятно, почему он работал в моих руках? Но вот само поведение этих... в общем, этих не укладывается. Что, спецгруппе, нашей или противника, стало скучно, и они захотели поразвлечься с подвернувшейся девушкой?

– Что вы знаете о методах работы спецгрупп? – повысил голос барон. – Может, они захватили заложника, может, хотели выбить у девушки информацию... Вы знакомы с методами психологического воздействия?

– Да что она могла знать-то?! – воскликнул Белецкий.

– Вы не поверите, какие секреты подчас становятся известны членам семей высокопоставленных лиц Империи, – покачал головой барон. – Но продолжим. Судя по видеозаписи, вы храбро (но, извините, лично моё мнение – глупо) бросились на шестерых противников защищать честь дамы. Не издав при этом ни единого звука. Сам факт вступления в схватку пока отставим в сторону. Но – молчание... Ладно, молча броситься на врага. Тут согласен – зачем выдавать се-

бя лишним шумом? А если это были наши? Можно же было сначала спросить, кто они и что здесь делают?

– Не было времени... Они начали...

– Вот если бы вы всё же догадались сначала связаться с той же полицией, там бы, наверное, выдали инструкции, что делать. Или нет? – Барон выдержал паузу. – В общем, подводя итоги: вы нарушили буквально всё, что можно было нарушить, и сделали не так всё, что можно было сделать не так.

«Штрафрота или каторга?» – вот единственная мысль, которая осталась в голове Егора после столь суровой (но, полага руку на сердце, правильной) оценки его сегодняшних походов.

Фон Стиглиц сокрушённо покачал головой, вперив суровый взгляд своему собеседнику чуть ли не прямо в душу. А потом вдруг улыбнулся:

– И именно благодаря такой вот вашей... – барон запнулся. – Даже слова не могу подобрать!.. В общем, повезло вам.

«Не посадят?! – обрадовался Егор. – Или не на каторгу, а всего лишь снова в штрафроту?»

Барон снова замолчал, сверля Белецкого взглядом.

«Да говори уже хоть что-нибудь! Не томи!» – мысленно взмолился тот.

Барон, казалось, подобно Пантелею, мог слышать не только слова, но и мысли. И начал говорить.

– Для того чтобы вы смогли оценить последствия сво-

их действий, мне надо объяснить, что именно произошло, – услышать-то он, зараза, услышал, но говорил, словно сознательно намереваясь помучить своего собеседника подольше – медленно и с расстановкой. – Но для этого я должен сделать небольшое «лирическое отступление». Оно совершенно необходимо, – фон Стиглиц жестом остановил уже раскрывшего рот, чтобы попросить обойтись без лирических отступлений Белецкого. – Итак: как вы, несомненно, знаете, наше общество построено на сословном принципе. Если не считать духовенство, сословий всего два – простые обыватели и дворяне. Дворяне имеют больше привилегий, но и обязанностей у них также побольше, чем у остальных. Не надо морщиться, я не собираюсь полностью пересказывать всю главу о сословиях из учебника по обществоведению. Главное я уже сказал. Дворяне имеют больше привилегий. Среди этих привилегий – большая личная свобода, преимущества в торговой-промышленной деятельности и возможность занятия высоких постов во властных структурах. Исходя из этого... Да, исходя из этого неизбежна концентрация денег и власти в руках определённых представителей дворянства. А власть... Власть развращает. Поэтому, как говорится, кто-то кое-где у нас порой... Переходит границы дозволенного, уверовав в свою безнаказанность. Вот, например, не так давно...

«О господи! Да зачем мне эти примеры! Я тут поседею, пока он доберётся до сути! Или эта лекция – часть грядущего наказания?!» – Егор уже чуть не подпрыгивал на месте.

– Не так давно один молодой человек убил на дуэли представителя влиятельного и могущественного рода, – барон внимательно посмотрел на собеседника. Нарисованная у того на лице странная смесь скуки и нетерпения сменилась выражением глубочайшего внимания. – Естественно, этот молодой человек понёс наказание, полагающееся по закону. Но безутешной матери убитого, которая вот уж более десяти лет после смерти мужа держит бразды правления в этом влиятельном клане, законного наказания показалось мало. Смерть за смерть – вот что она посчитала достойным возмездием для преступника. Не подсакивайте. Я помню обстоятельства той дуэли. Так... На чём я остановился? Ага, на наказании преступника. Так вот она, эта женщина... Для начала организовала аварию на грузовом терминале, через который убийца её сына вместе со своим другом должны были попасть на планету. Потом – нападение на поезд метро, в котором перевозили её врага... К счастью для него, он в это время ехал в другом поезде другим маршрутом. Ну, потом были ещё всякие мелочи вроде ракетного обстрела вертолётта и так далее. Что это вы так побледнели, молодой человек? Да, всего одна влиятельная особа может натворить столько дел...

Услышанное укладывалось в голове несчастного молодого человека почти минуту.

– Но... Это же преступление... И раз вам... Имперской Безопасности то есть... известно об этом... Я смотрел на той

неделе светскую хронику. На балу у графа... она была... Но если она преступница – то давно должна быть на каторге, а не гулять по балам!

Барон тяжело вздохнул.

– Бывают разные причины, по которым преступник остаётся на свободе. Например, против него недостаточно улик. Или ещё что-нибудь, о чём мы поговорим позже. Но я бы на твоём месте не особо переживал по поводу того, что баронесса фон Ливен находится совсем не в тех местах, где, как ты считаешь, она должна находиться, – Егор даже не заметил, что барон снова перешёл на «ты», а значит, беседа теперь носила менее официальный характер. – А радовался бы тому, что до сих пор жив, – продолжал фон Стиглиц. – И жив ты исключительно благодаря той самой СИБ, которую, вижу по глазам, ты сейчас считаешь чуть ли не десницей дьявола. Видишь ли, штрафная рота находится в ведении не армии и не флота. Это подразделение Службы Имперской Безопасности. То есть на время службы в штрафбате ты был переведен из ВКФ в СИБ. А Сергей Анатольевич – наш дорогой руководитель, почему-то ну очень не любит, когда его людей убивают. Поэтому были приняты все возможные меры для спасения твоей бестолковой головы. И, как видишь, ты до сих пор жив. Вопросы есть?

Егор помассировал виски кончиками пальцев. Похоже, злодейка-судьба не убила его сегодня днём только для того, чтобы вечером расплавить мозг путём перегрузки информа-

цией.

Привычная картина мира рушилась на глазах. Оказывается, подданный Империи может попытаться убить другого подданного Империи (а может быть, даже не просто попытаться, а и довести дело до конца), и ему, этому подданному, ничего не будет, хотя властям (а в представлении молодого человека, СИБ являлась неотъемлемой частью власти) всё известно.

– Так почему всё же баронесса не была наказана? – Белецкий наконец выбрал самый интересующий вопрос из кучи вертевшихся в голове.

– Это секретная информация. Как, кстати, и та, что я тебе сообщил.

– Но вы же знаете, что я?.. – челюсти Егора свело.

– Физически не можешь разгласить секрет? – улыбнулся барон. – Да, знаю. Но это совсем не значит, что теперь в твою голову надо загружать все секреты Империи согласно алфавитного списка.

– Тогда второй вопрос, – Егор говорил медленно, подбирая слова. – Если единственной причиной, по которой СИБ меня опекала, было то, что я являлся её сотрудником, и если баронесса сейчас на свободе, а я больше не штрафник, следовательно – не сотрудник СИБ. У вашей организации нет больше причин меня защищать?

– Боишься? – прищурил глаз фон Стиглиц.

– Боюсь, – после небольшой паузы решил честно при-

знатья Белецкий. Хотя самолюбие требовало выдать что-то типа небрежного «опасаюсь».

– Правильно делаешь, что боишься, – неожиданно одобрил признание молодого человека барон. – Не боятся только полные идиоты. Но давай-ка я напугаю тебя ещё больше.

– А что, есть куда? – нахмурился Егор.

– Ты не поверишь, есть! – радостно улыбнулся его собеседник.

«Нашёл, чему радоваться», – буркнул про себя Егор и приготовился к приёму следующей порции неприятных новостей. Хотя что может быть неприятнее той ситуации, в которой он уже находился, представить не получалось.

– Ну, тогда пугайте, – произнёс он вслух, разведя руками.

– Хорошо. Только сначала мне придётся сделать ещё одно «лирическое отступление». Как тебе известно, точнее, как ты считал до сегодняшнего дня, структура власти и общества в Империи, помноженная на современный уровень развития техники, делает очень трудным совершение безнаказанного преступления. Ведь к натыканным повсюду устройствам видеофиксации имеют доступ не только спецслужбы, а и простые граждане. Поэтому утаить преступление, особенно связанное с физическим насилием в общественном месте, абсолютно нереально. Его обязательно зафиксируют несколько камер, а сканеры запишут личные данные участников. А там уж вычислить преступника и доказать его вину – проще простого. К государственным секретам и тайнам чужой

частной жизни простые граждане не допускаются, но существующая система позволяет не допустить уничтожения или искажения записанной информации лицом или группой лиц, преступивших закон. В общем, одна из основных причин, по которой преступлений, связанных с насилием против личности, у нас практически нет, это именно то, что за преступлением неотвратимо следует наказание. Смотрю, ты снова начал засыпать...

– Совсем нет! – запротестовал Егор.

– Вижу, как «совсем нет». Погоди немного, сейчас взбодришься. Итак, каждый шаг, каждый чих любого подданного постоянно фиксируется. Но! Все, и ты в том числе, знают, что в Империи есть секретные службы. Которые, по логике, должны проводить секретные операции. Как же обеспечить секретность в условиях, когда камеры и сканеры натканы чуть ли не по несколько штук на квадратный метр, а перемещения всех подданных постоянно отслеживаются? Вот для этого есть специальные устройства. Про «личину» и «полог тишины» ты знаешь. Но «сменив лицо» и убрав звук, моторику движений не скроешь, и компьютеры Департамента внутренних дел вычислят тебя по ней за несколько секунд. Чтобы этого не произошло, существуют специальные устройства, о которых широкой публике неизвестно. Они посылают на видеокамеры в заданном радиусе действия синтезированную картинку вместо реальной, а также искажают или блокируют биометрическую информацию с ком-

мов. Таким образом спецгруппа или одиночный агент могут оставаться «невидимыми» для фиксирующей электроники, или же «видимыми», но записано в архивах будет совсем не то, чем они занимались на самом деле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.